

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Краснодарского
университета
МВД России

2 0 1 3

№ 2
(20)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Калиниченко И.А. кандидат педагогических наук,
начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н. доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета
МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Агафонов Ю.А. доктор философских наук, кандидат юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ,
председатель Контрольно-счетной палаты Краснодарского края

Вишневецкий К.В. доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры
уголовного права КрУ МВД России

Грицай В.В. кандидат исторических наук, начальник кафедры
конституционного и административного права КрУ МВД России

Епифанцев А.А. кандидат исторических наук, начальник кафедры
физической подготовки и спорта КрУ МВД России

Жеребцов А.Н. доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
административной деятельности и организации деятельности
ГИБДД КрУ МВД России

Денисенко В.В. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
конституционного и административного права КрУ МВД России

Карабаш Д.В. кандидат педагогических наук, начальник кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки КрУ МВД России

Карнаушенко Л.В. доктор исторических наук, профессор, начальник управления
учебно-методической работы КрУ МВД России

Клейберг Ю.А. доктор юридических, педагогических, психологических наук,
профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ,
академик РАЕН, президент Международной академии
образования и Международной академии социальной работы

Кубякин Е.О. доктор социологических наук, начальник кафедры
философии и социологии КрУ МВД России

Курдюк П.М. доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя
Законодательного собрания Краснодарского края

Лозовский Д.Н. доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного процесса КрУ МВД России

Меретуков Г.М.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета
Мятченко И.В.	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков КрУ МВД России
Нарыков Н.В.	доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Натура Д.А.	кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры предварительного расследования КрУ МВД России
Палазян А.С.	доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства КрУ МВД России
Пахомов С.В.	кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики КрУ МВД России
Петров И.В.	доктор экономических наук, профессор, начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса КрУ МВД России
Рассказов Л.П.	доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета
Рычкалова Л.А.	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КрУ МВД России
Самойлов С.Ф.	доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Сапрунов А.Г.	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета
Сизоненко А.Б.	кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники КрУ МВД России
Старостенко И.Н.	кандидат физико-математических наук, начальник кафедры информатики и математики КрУ МВД России
Таганова А.А.	кандидат психологических наук, заместитель начальника кафедры психологии и педагогики КрУ МВД России
Труфанов М.Е.	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
Цукахин А.Б.	кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита КрУ МВД России
Шалин В.В.	доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета

Шишкин В.Н.

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники КрУ МВД России

Яковлев В.В.

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии КрУ МВД России

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Краснодарский университет МВД России

РЕДАКЦИЯ:

Н.К. Алексаньян (редактор)

Художественное оформление обложки: Д.В. Котелевский

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128

Тел.: (861) 258-35-96

Web-сайт: vestnik.krdu-mvd.ru

Электронный адрес: society_and_law@mail.ru

© Краснодарский университет МВД России, 2013

BULLETIN of Krasnodar University of Russian MIA**CHIEF EDITOR**

Kalinichenko I.A. Master of Pedagogics, Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N. Doctor of Law, Professor, Deputy Chief on Scientific Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITORIAL BOARD:

Agafonov Yu.A. Doctor of Philosophy, Master of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of Control Audit Chamber of Krasnodar Region

Vishnevetsky K.V. Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Gritsay V.V. Master of History, Head of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Epifantsev A.A. Master of History, Head of a Chair of Physical Training and Sports of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Zherebtsov A.N. Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Denisenko V.V. Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Karabash D.V. Master of Pedagogics, Head of a Chair of Tactical and Special and Fire Preparation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Karnaushenko L.V. Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Kleyberg Yu.A. Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, Honored Science and Education Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the International Academy of Education and International Academy of Social Work

Kubyakin E.O. Doctor of Sociology, Head of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Kurdyuk P.M. Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region

Lozovskiy D.N. Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Meretukov G.M.	Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of Kuban, Head of a Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University
Myatchenko I.V.	Master of Philology, Assistant Professor, Head of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Narykov N.V.	Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Natura D.A.	Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Palazyan A.S.	Doctor of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Pakhomov S.V.	Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Petrov I.V.	Doctor of Economics, Professor, Head of a Chair of Civil Law and Civil Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Rasskazov L.P.	Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University
Rychkalova L.A.	Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Samoilov S.F.	Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Saprunov A.G.	Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University
Sizonenko A.B.	Master of Technics, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Operative and Detective Activity and Special Technics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Starostenko I.N.	Master of Physico-mathematics, Head of a Chair of Informatics and Mathematics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Taganova A.A.	Master of Psychology, Deputy Head of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Truphanov M.E.	Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Tsukahin A.B.	Master of Economics, Assistant Professor, Chief of a Chair of Economics, Accounting and Audit of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Shalin V.V.	Doctor of Philosophy, Professor, Head of a Chair of Sociology and Culturology of the Kuban State Agrarian University
Shishkin V.N.	Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Operative and Detective Activity and Special Technics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
Yakovlev V.V.	Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITION:

N.K. Aleksanjan (editor)

FOUNDER:

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

ADDRESS OF THE PUBLISHER OF EDITION:

350005, Krasnodar, Jaroslavskaya street, 128
 Tel.: (861) 258-35-96
 Web-site: vestnik.krdu-mvd.ru
 e-mail: society_and_law@mail.ru

© Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, 2013

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	10	CHIEF EDITOR'S COLUMN
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	11	THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE
Ерегян А.Р. Традиционное право в условиях самоуправления Киевской Руси	11	Eregyan A.R. Customary law under self-government of Kievan Rus
Цакоев А.А. Религиозные основы зарождения правового регулирования игр в России	16	Tsakoyev A.A. Religious bases of origin of legal regulation of games in Russia
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	20	CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY
Жук М.С. Формирование представлений об институтах уголовного права в истории отечественной науки	20	Zhuk M.S. Formation of perception of criminal law institutions in the national science history
Доев В.А. Проблемы отграничения аффекта от ограниченной вменяемости в уголовном праве России	27	Doyev V.A. Problems of an otgranicheniye of affect from limited sanity in criminal law of Russia
Карапетын Р.А. Институт пожизненного лишения свободы как структурный блок правовых отношений	29	Karapetyan R.A. Institute of lifelong imprisonment as a building block of the legal relationship
Краслянская Н.В. К вопросу об уголовно-правовой характеристике состава кражи	31	Kraslyanskaya N.V. To the question about the criminal and legal characteristic of structure of theft
КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	34	CRIMINALISTIC, OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY
Рычкалова Л.А. Получение образцов для диагностической экспертизы	34	Rychkalova L.A. Obtaining of samples for diagnostic examination
Голяндин Н.П., Горячев А.В. Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации	37	Golyandin N.P., Goryachev A.V. Motivation for recruitment in extremist and terrorist organizations
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	41	ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESSES
Техов Д.Н. Правовые проблемы осмотра места совершения административного правонарушения	41	Tekhov D.N. Legal problems of survey of a place of commission of an administrative offense

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ		PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
Скутин А.С., Шабатура Л.Н. Феноменология этического в социокультурном универсуме	46	Skutin A.S., Shabatura L.N. Phenomenology of ethical in the socio-cultural universe
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	52	PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
Щуров Е.А. Технологии проблемного обучения в процессе профессионального саморазвития курсантов вузов МВД России	52	Schurov E.A. Technologies of problem training in the course of professional self-development of cadets of higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia
Казаченко Е.В. Значение мотивации в развитии профессионально-коммуникативной культуры сотрудников полиции в системе повышения кадров МВД России	56	Kazachenko E.V. The meaning of motivation in the development of professional and communicative culture of police in the system of advanced training of personnel of the Ministry of the Interior of Russia
ИНФОРМАТИКА И МАТЕМАТИКА		INFORMATICS AND MATHEMATICS
Старостенко И.Н., Шарпан М.В. Об организации электронного документооборота в органах внутренних дел	60	Starostenko I.N., Sharpan M.V. About electronic document management systems in the internal affairs
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ		QUESTIONS OF PHILOLOGY
Кунина М.Н. Интенциональность речевых высказываний как особый признак дискурса судебного пристава-исполнителя	62	Kunina M.N. Intentionality of speech utterances as a special feature of the discourse of a bailiff
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	67	INTO CONSIDERATION OF AUTHORS
ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК	68	REGISTRATION OF BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Уважаемые коллеги!
 Перед Вами очередной выпуск научно-практического журнала «Вестник Краснодарского университета МВД России».

В традиционной рубрике «Теория и история права и государства» представляет интерес статья А.А. Цакоева «Религиозные основы зарождения правового регулирования игр в России», в которой автор анализирует роль церкви в организации правового регулирования азартных игр в России, которая была поборницей высоконравственного поведения и выступала за запрет не только азартных, но и неазартных игр.

В рубрике «Уголовное право и криминология» необходимо отметить статью М.С. Жук «Формирование представлений об институтах уголовного права в истории отечественной науки», в которой автор рассматривает влияние различных правовых школ на процесс исследования феномена института уголовного права, сопоставляет точки зрения видных представителей отечественной науки.

Интерес читателей должна вызвать и представленная в рубрике «Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность» статья Л.А. Рычкаловой

«Получение образцов для диагностической экспертизы», в которой особое внимание уделено методике отбора образцов рукописного текста следователем.

В рубрике «Философия, социология и политология» заслуживает внимания статья А.Н. Шубатура и А.С. Скутина «Феноменология этического в социокультурном универсуме», в которой исследуется вопрос о сущности этического, неизученность которого является одним из катализаторов социокультурного хаоса, многочисленных противоречий нравственного плюрализма, абсолютизма и релятивизма в социокультурном универсуме.

В рубрике «Информатика и математика» читателей должна заинтересовать статья И.Н. Старостенко и В.М. Шарпан «Об организации электронного документооборота в органах внутренних дел», в которой рассматривается проблема построения документооборота вообще и защищенного документооборота в частности в государственных структурах.

Добро пожаловать на страницы нашего журнала в качестве авторов и читателей!

**С уважением,
 главный редактор
 кандидат педагогических наук
 начальник Краснодарского
 университета МВД России
 генерал-майор полиции
 И.А. Калиниченко**

Ереган Анаида Робертовнапреподаватель кафедры гражданских и административно-правовых дисциплин
Луганского государственного университета внутренних дел им. Э.А. Дидоренко
(e-mail: anaida291183@rambler.ru)

Традиционное право в условиях самоуправления Киевской Руси

В статье предпринята попытка исследования процесса взаимовлияния обычая как первичной формы права и самоуправления в Киевской Руси.

Ключевые слова: обычай, традиционное право, органы племенного самоуправления, родовой строй, самоуправление.

A.R. Eregyan, Teacher of the Department of Civil, Administrative and Law Disciplines of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.O. Didorenko; e-mail: anaida291183@rambler.ru.

Customary law under self-government of Kievan Rus

In the article the attempt of research of the interactions between custom as a primary form of law and self-government in Kievan Rus was made.

Key words: custom, customary law, tribal autonomous bodies, tribal system.

Успешное решение вопросов, связанных с реформированием общества, в значительной степени зависит от научного анализа, исторического опыта и использования его результатов в процессах построения современного государства. Поэтому сегодня среди множества политико-правовых явлений большое значение имеет исследование становления и развития системы самоуправления в нашей стране. В отечественной правовой литературе этот вопрос до сих пор остается недостаточно изученным и малоисследованным, редко бывает предметом обсуждения в научных кругах и выносится на суд общественности.

Основная задача данного исследования – сделать историко-правовые обобщения относительно закономерностей развития органов местного самоуправления, их сущности, признаков и особенностей в конкретных исторических условиях.

При этом необходимо отметить, что любое теоретическое исследование невозможно без обобщения и критического осмысления опыта предшественников, что дает возможность установить определенные закономерности в оценке того или иного явления, которые препятствуют адекватному пониманию процессов, происходящих сегодня в обществе.

Человечество всегда стремилось не оставлять преступления безнаказанными, поэтому исследование историко-правовых особенностей системы самоуправления в этом аспекте актуально.

Таким образом, исследование данной проблемы позволит в значительной степени заполнить пробелы в ее освещении. В исследо-

вании предпринята попытка проследить процесс эволюции обычая как начальной формы права и раскрыть историческое содержание системы самоуправления Киевской Руси, а также ее влияние на развитие традиционного права как источника права рассматриваемой эпохи.

Доминирующей формой существования права в период зарождения отечественной правовой системы был правовой обычай [4, с. 7–8]. Так, М.С. Грушевский в своих научных работах высказывал мысль о том, что обычай – это базовая форма управления поведением людей в условиях существования родового строя. Вместе с тем, он пришел к выводу, что обычай был правилом поведения каждого индивида в обществе во времена до государственного периода. Именно такое поведение выработалось в результате постоянного его применения на протяжении долгого времени. Соблюдение требований обычая обеспечивалось применением в отношении нарушителя таких мер общественного влияния, как казнь, изгнание из рода, лишение огня и воды [1, с. 36].

Первую попытку объяснить происхождение традиционного права осуществил немецкий юрист Г.Ф. Пухта, представитель исторической школы права. Он считал, что традиционное право возникает в сознании народа, т.е. как правовое сознание. Под понятием правового сознания Г.Ф. Пухта подразумевал существование атрибута духа, в основании которого уже заложено правовое начало. Свидетельством происхождения норм традиционного права, по его мнению, является необходимое проявление правового сознания как способа жизни индивидуумов. Г.Ф. Пухта также полагал, что одно-

образные действия индивидуумов являются началом традиционного права [11, с. 507].

Но теорию Г.Ф. Пухты о народном духе как о явлении правового зарождения отрицал Г. Гегель, а также его последователи. Сторонники исторической школы права при изучении этого вопроса пришли к выводу, что первоисточником традиционного права является действие (однообразное поведение индивидуумов) как реакция людей, которые живут в определенном обществе [7, с. 24–26]. Поэтому теория ученого о народном правовом сознании как о мистическом источнике идеи права считалась фундаментальной в учении о происхождении и особенностях традиционного права, т.к. начало традиционного права необходимо искать в народном сознании, что влечет за собой зарождение норм традиционного права, потому что превращается в действие как однообразное поведение людей.

В связи с этим необходимо выяснить, каким образом формируется однообразное всеобщее поведение индивидуумов, а также момент осознания важности подобного поведения как реакции людей на внешние условия общественной среды, т.е. как возник правовой обычай.

В дореволюционной литературе существуют и другие взгляды ученых на происхождение правового обычая. Так, например, существует идея стихийного зарождения обычая, а также идея творчества индивидуума. Приверженцы идеи стихийного зарождения обычая считают, что однообразное массовое поведение индивидуумов складывалось на уровне инстинкта, массово, т.е. каждый конкретный индивид самостоятельно в роли творца не выступает [5, с. 241–243; 12, с. 157–159].

В соответствии с идеей творчества индивидуума однообразное действие индивидуумов возникало не инстинктивно, а с помощью творческой деятельности более активных, крепких и развитых индивидуумов. Именно за ними следовала остальная масса населения, которой свойственна невольная направленность к подобному отображению и подражанию действиям первых [15, с. 10–14].

Кроме того, существует социологическая концепция Тарда, согласно которой общественная жизнедеятельность является процессом общественной жизни наиболее развитых и крепких индивидуумов и, как следствие, повторения, отображения подобных действий, их поведения наиболее притесненными, слабыми слоями населения [10, с. 172].

Необходимо отметить, что В.И. Сергеевич отрицал вышеуказанную теорию, опирающуюся на идеи Г.Ф. Пухты о правовом сознании народа, основанном на традиционном праве.

Он считал, что на этапе родового строя не могло быть общественных институтов, которые бы предназначались праву и отвечали за его безопасность, т.е. не могло быть такой жизнедеятельности масс, которая основывалась бы на нормах существующего права. В жизнедеятельности людей при первобытном строе все было основано на инстинкте и впоследствии проявлялось в действиях [15, с. 86].

В свою очередь, эту концепцию отрицал М.Ф. Владимирский-Буданов, считавший, что концепция В.И. Сергеевича носит произвольный характер, в результате пассивного отображения действия права не учитывается то, что оно имеет негативную направленность. М.Ф. Владимирский-Буданов акцентировал внимание на том, что право происходит от инстинкта, и считал, что не общество наследует определенного индивида, а отдельные индивиды проявляют тождественные чувства в один и тот же период времени, в последующем происходит перевоплощение естественного инстинктивного чувства в определенное поведение, т.е. волеизъявление переходит в конкретное (правовое) [2, с. 63]. Но тут же можно отметить, что М.Ф. Владимирский-Буданов является сторонником концепции В.И. Сергеевича, т.к. в основе его идеи лежат фактически природное начало и исходные схемы зарождения традиционного права.

Таким образом, его концепция поддерживает факт отрицания права.

С учетом вышеизложенного исследователи не указывают, какой именно элемент преобразовывает природные чувства инстинкта в право. Вероятно, в данном случае для преобразования фактического начала в правовое недостаточно инстинкта, а также последующей реакции на внешние условия жизнедеятельности социума, т.е. действие должно быть осознанным.

Так, Ф.В. Тарановский считал, что вышеперечисленные концепции возможно не только противопоставлять, но и отождествлять. Исследователь указывал, что в некоторых случаях однообразное поведение людей складывается бессознательно, т.е. стихийно, а в иных – лидерами выступали отдельные индивиды, за которыми шла масса через стихийный инстинкт наследования. Первое могло иметь место в простейших и элементарных случаях, а второе – в сложнейших [16, с. 183].

В данной ситуации недостаточно принципа обязательности. Относительно правового фундамента всеобщая обязательность имеет место в том случае, когда, кроме осознанности права, будет существовать осознанность в его надобности среди индивидуумов, что будет означать осознанность среди всех членов определенно-

го общества. Необходимо подчеркнуть, что она будет обязательной для всех членов общества ввиду страха понести наказание за невыполнение установленных общеобязательных правовых норм.

Кроме того, изучая различные концепции относительно связи между возникновением обычая и права, можно упомянуть З.М. Черниловского, который считал, что нельзя разграничивать право и обычай [18, с. 12]. По мнению В.О. Ключевского, правовой обычай создается вследствие длительного повторения аналогичных ситуаций, сопровождающегося правовой осознанностью индивидуумов. Связь правовых обычаев с религиозными взглядами народа, а также длительность их взаимодействия являются основанием для закономерности [6, с. 214].

В истории любого народа можно выявить множество правил и обычаев, характерных как для определенного народа, так и для всего общества. Исторические исследования свидетельствуют о том, что обычаи народов, проживающих в различных местностях, в разное время имеют сходство несмотря на то, что между ними не наблюдалось никаких взаимосвязей. Учитывая изложенное выше, можно прийти к выводу, что главный источник традиционного права не может иметь спонтанных признаков, а волеизъявление индивидуумов – быть его исходным началом.

Таким образом, спецификой традиционного права можно считать то, что оно является не только инстинктивным, т.е. следует полагать, что обычаи не были созданы какими-то более сильными индивидуумами. Традиционное право у славянского народа было создано путем обязательного использования в жизнедеятельности социума устойчивых положений (правил поведения), с осознанностью их общественной значимости. Такие правила приобретали общеобязательность и преобразовывались в структуру, с помощью которой производилось управление обществом.

Необходимо также отметить, что конкретное общество в период его развития не может функционировать без устойчивой структуры управления, которая регулирует общественные отношения. Так, в эпоху родового строя у славянских народов общественное управление осуществлялось посредством общеобязательных правил поведения, которые ввиду долгого использования приобретали признак привычки. Эти правила носили мифологический характер, имели религиозную направленность, в связи с чем не возникало надобности в использовании внешних принудительных регуляторов, т.е. именно религия и мифология были способны воздействовать на все уровни жиз-

недеятельности общества [19, с. 70]. В таких условиях подобные регуляторы представляли собой четкую систему, которая управляет и регулирует общественную жизнедеятельность широких слоев населения в период родового строя.

Отличительной чертой этой структуры является то, что регулирование происходило внутри рода, т.е. преобладало над индивидуальным, поскольку индивидуум от коллектива еще не отделялся. Именно таким образом возникали органы самоуправления в период существования родового строя. Как считает Ф.И. Леонтович, в первобытных сообществах существовала взаимосвязь между индивидуумами, которая в государстве не может существовать. Взаимосвязь, на которой строятся первобытные общества, охватывает всю жизнедеятельность индивидуума, поэтому племенные союзы принимают активное участие в судьбе каждого члена такого общества [8, с. 85]. По мнению О.П. Чебышева-Дмитриева, индивидуум считался правоспособным членом только в том случае, если находился в племенном союзе [17, с. 7].

Обычаи устанавливали формы поведения, которые являлись обязательными для всех членов в определенном племенном союзе. Если нарушались какие-либо установленные нормы, обычаи, то к нарушителям применялись меры племенного принуждения. В таком племенном союзе не было привилегий ни у кого из индивидуумов, все были равны перед установленными племенным союзом традиционными нормами. Именно такое простое регулирование поведения индивидуумов было достаточным для удовлетворения потребностей общества и соответствовало осознанности людей, которые этими нормами руководствовались [13, с. 13–15].

В дальнейшем развитии общество освободилось от всевозможных мифологических понятий, все более ощущая потребность в выражении объективных социальных интересов не только всего социума, но и каждого индивида в отдельности.

Например, П.И. Числов считал, что у любого народа существует свое право, основанное на унаследованном от предков обычае, нормы которого необходимо соблюдать и передавать из поколения в поколение. К этому можно отнести предания, которые переходили из уст в уста и сохранились в памяти народа [19, с. 21]. Такие пересказы укрепляли сохраненные веками более необходимые для общества элементы поведения в определенных ситуациях, а также отображали в определенной степени интересы членов общества [3, с. 87].

Именно такой консерватизм обычного права у восточных славян исходил из традиционности, т.е. к правилам или нормам которого относились как к строгим, беспрекословным, обязательным для всех членов общества установкам, значимость и сила которых определялась давностью их происхождения.

Таким образом, обычай сохранялся в памяти индивидуумов, членов родовых союзов, знатков права, которые оглашали его на народных собраниях племенных союзов. В смысле обычаев существовала наследственность в нормативном регулировании.

С развитием общественной жизнедеятельности совершенствуется и материальное производство, в процессе которого происходит изменение качества управления, улучшение механизмов регулирования, другими словами, создается система регулятивных механизмов, в которой все общественные отношения, существовавшие в социуме в тот период времени, делятся на группы в зависимости от потребностей общества в защите от преступлений. Изменение качества социального регулирования отражается в таких направлениях развития, как защита личности, защита имущества, торговля, мена. Установки и правила в таких общественных отношениях подчиняют поведение каждого члена социума общим условиям, которые продиктованы экономикой, политикой и идеологией всей жизни славянского общества. Вследствие этого оно переходит к главным целям социального регулирования, т.е. усовершенствования всей общественной жизни, и поступательному движению вперед.

Как известно, марксистская теория предусматривает преобразование обычая в правовой обычай в неразрывной связи с экономическим развитием общества. В результате усовершенствования производства, разделения труда, повышения продуктивности работы появляется избыточный продукт. В этот же период происходит обособление индивида от рода, племени, приобретение статуса самостоятельной личности. Эти факторы, органично связанные друг с другом, обусловили разложение ранее существующих родоплеменных связей, дифференциацию социума. Такое усложнение общественной жизни сопровождается дальнейшим углублением процесса отчуждения, расширения и укрепления товарно-рыночных отношений, обособления собственности. Для этого необходимы изменения структуры социального регулирования на базе обычаев нормативного регулирования в виде правовых обычаев.

1. Бочарников Д.И. *Суспільний та державний лад Київської Русі в історичній спадщині*

Исходя из вышеизложенного можно сделать выводы, что именно обычай был исходной составляющей права, которое регулировало общественные отношения, зародившиеся в родовом строе вне зависимости от воли индивидуумов родов, племенного самоуправления. Поэтому в основе этого права лежала необходимость общественного регулирования. Для сохранения права, сложившегося из обычаев, уже устоявшихся в обществе, которые преобразовывались в обязательные для всех членов общества правила поведения, требовалось регулирование через формирование органов самоуправления. Необходимо отметить, что возникновение традиционного права было продиктовано существованием общества, которое постепенно развивалось и усложнялось в силу различных условий, в частности экономических.

В условиях генезиса обычая можно говорить об определенном психическом состоянии личности, имеющей представление об одноплеменниках и считающей их связанным коллективом. Поэтому, когда нарушался установленный порядок такого коллектива, все одноплеменники мстили за нанесенную обиду кому-либо из племени. Таким образом, можно отметить, что обида носила коллективные черты, поскольку общность тех, кто мстил, и тех, на кого распространялась месть, определялась только лишь внутри определенных племен.

Последствием нарушения порядка, установленного среди двух племен, была вражда между ними и, как следствие, месть членов коллектива за причиненную обиду. Такая месть из обычного чувства превращалась в социальный обычай, который основывался на необходимости защиты членов группы от нарушителей установленных норм. Поэтому месть для родового коллектива, который существовал в период первобытного общества, была составляющей жизнедеятельности, с помощью которой можно было оберегать жизнь членов группы и бороться за сохранение такого коллектива в целом. Учитывая, что со стороны не было ни одного серьезного фактора, который бы сдерживал членов коллектива от возможных действий, нарушающих устоявшийся порядок, лишь месть могла выполнять эту функцию.

Из вышеизложенного следует вывод, что право славянского общества основывалось на обычаях, которые действовали и развивались вместе с совершенствованием структуры и системы родового самоуправления.

1. *Bocharnikov D. I. Kievan Rus Public and state system in historical heritage of M. Hrushev-*

- М. Грушевського: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1999.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1909.
 3. Гуревич А.Л. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
 4. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 2-е изд. СПб., 1908.
 5. Залеский В.Ф. Власть и право. Казань, 1897.
 6. Ключевский В.О. Сочинения: в 3 т. М., 1995. Т. 1.
 7. Кролик А.А. Идеи законодательного творчества и закономерного развития права в новейшей юриспруденции. СПб., 1913.
 8. Леонтович Ф. История русского права. Одесса, 1869.
 9. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М., 1971.
 10. Мартенсон-Гнидкин А. Государственное опровержение лжеучений об обычном праве и правовом отношении в доказательство ненаучности так называемого обществоведения и трех его общепризнанных отделов. М., 1906.
 11. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2001.
 12. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.
 13. Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности: Некоторые вопросы методологии и теории. М., 1972.
 14. Самоквасов Д. История русского права. Варшава, 1888.
 15. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.
 16. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. 1917.
 17. Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862.
 18. Черниловский З.М. Русская Правда в свете древних славянских судебныхников // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии / отв. ред. Г.В. Швеков. М., 1984.
 19. Числов П.И. Курс истории русского права. М., 1914.
 - sky: dis. ... Master of Law Kharkov, 1999.
 2. Vladimirovskiy-Budanov M.F. Review of Russian law history. SPb., 1909.
 3. Gurevich A.L. Problems of the genesis of feudalism in Western Europe. M., 1970.
 4. Dyakonov M.A. Essays on social order and political system of Ancient Rus 2nd ed. SPb., 1908.
 5. Zaleskiy V.F. Power and law. Kazan, 1897.
 6. Klyuchevskiy V.O. Works. In 3 vol. M., 1995. Vol. 1.
 7. Krolik A.A. The idea of legislative creativity and natural development of law in modern jurisprudence. SPb., 1913.
 8. Leontovich F. History of Russian law. Odessa, 1869.
 9. Marxist-Leninist theory of state and law. Historical types of state and law. M., 1971.
 10. Martenson-Gnidkin A. Public refutation of false teachings about customary law and legal relations in evidence unscientific nature of social science and its three universally recognized divisions. M., 1906.
 11. Nersesyants V.S. Philosophy of law. M., 2001.
 12. Orshanskiy I.G. Studies on Russian Customary law and marriage law. SPb., 1879.
 13. Penkov E.M. Social norms are regulators of individual behavior: Some methodological issues and theories. M., 1972.
 14. Samokvasov D. History of Russian Law. Warsawa, 1888.
 15. Sergeevich V.I. Lectures and research on the ancient history of Russian Law. SPb., 1910.
 16. Taranovskiy F.V. Encyclopedia of law: textbook. 1917.
 17. Chebyshev-Dmitriev A. About criminal actions in pre-Petrine Russian Law. Kazan, 1862.
 18. Chernilovskiy Z.M. Russian Truth in the light of the ancient Slavic Code of Law // Ancient Rus: problems of law and law ideology / ed. by G.V. Shvekov. M., 1984.
 19. Chislov P.I. The course of history of Russian law. M., 1914.

Цакоев Артур Ахсарбекович

заместитель председателя Верховного Суда РСО-Алания,
доцент кафедры уголовного права
Владикавказского института управления
(тел.: +79183271713)

Религиозные основы зарождения правового регулирования игр в России

Автор анализирует роль церкви в организации правового регулирования азартных игр в России. Церковь была поборницей высоконравственного поведения, а также выступала за запрет распространения языческих игр на малоколлективные азартные игры как проявление смертных грехов.

Ключевые слова: церковь, религия, азартные игры, правовое регулирование, запрет, грех.

A.A. Tsakoyev, Vice-chairman Supreme Vessels RSO-Alaniya, Associate Professor of a Chair of Criminal Rights of the Vladikavkaz institute of management; tel.: +79183271713.

Religious bases of origin of legal regulation of games in Russia

The author analyzes a role of church in the organization of the right regulation of gamblings in Russia. The church was the advocate of highly moral behavior and also stood for an interdiction of distribution of pagan games on gamblings as display of mortal sins.

Key words: church, religion, gamblings, legal regulation, ban, sin.

Христианская церковь выступала против игр всегда, не разграничивая их на азартные и неазартные, в отличие от последующих мыслителей, верно считая, что любые игры могут привести к потере человеком контроля над собой. Можно выделить, по крайней мере, три причины, по которым церковь запрещает игры, основываясь на десяти христианских заповедях, и еще несколько причин запрета игр, которые церковь выводит из правил о семи смертных грехах.

Рассмотрим причины религиозного запрета игр, основанные на десяти христианских заповедях.

Во-первых, согласно четвертой христианской заповеди от верующих требуется шесть дней в неделю работать, а седьмой день посвятить Богу, т. е. провести его в молитвах с благодарениями и прошениями Богу. Игры же занимают время верующих, отвлекая их и от работы и от молитв перед иконами. С точки зрения религии от работы и от посвящения времени Богу имеется зримая польза – это правильные способы занятия человека; игры же уведят человека от них, а значит, и от самого Бога, т. к. неисполнение заповеди – прямое нарушение религиозных установлений (ослушничество).

Во-вторых, христианская религия всегда призывала верующих к смирению, к укрощению не просто чрезмерных, а даже просто ярких эмоций. Игры же способны привести человека в состояние повышенной возбудимости, к запальчивости и раздражению. Ведь игра – это

инобытие, она уводит людей от их истинного бытия. Истинное бытие, с точки зрения религиозных предписаний, возможно только с Богом. А инобытие – только с дьяволом, т. к. в религиозных догмах третьего не дано.

Именно в раздражении человек становится невосприимчивым к требованиям Бога, зато его душа открывается для иных высших сил, которыми являются только дьявол с его бесами, поэтому игры в религиозных источниках называются «бесовскими». С точки зрения первой христианской заповеди, существует только единый Бог («да не будет у тебя других богов перед лицом Моим»), и только Ему человек должен подчиняться.

Итак, беспокойное, неуравновешенное душевное состояние, в которое способны привести человека игры, представляет собой опасный момент, в который легко может произойти утрата человеком связи с Богом и его переход под власть дьявола, чего христианская религия, конечно, допустить не может, поэтому игры как источник этих опасных моментов запрещаются.

В-третьих, даже до того, как человек войдет в расстроенное душевное состояние от игры, когда возможен его переход от Бога к дьяволу, только мысленно готовясь к игре, игрок уже попирает Бога, т. к. делает ставку на случай, на удачу, которые принесут ему победу. С точки зрения канонов, источником всех благ на Земле, т. е. любых достижений человека, является только Бог – единственный творец всего сущего.

Ставка на удачу приравнивает игры к гаданиям, безусловно запрещенным нормами религии, т. к. совершающие эти действия (и игрок, и гадатель) уповают на иные высшие силы, а не на Бога.

Таким образом, ставка в игре на случай, а не на собственные силы и умения – это заведомо неверный, с точки зрения религии, расчет на помощь Дьявола. Такой расчет вытесняет из сознания игрока Бога, уводит игрока из числа верующих: «безверие устраняет необходимость признавать Бога Творцом, Зиждителем мира, Кого чтить подобает как Вездесущего». Вместо того, чтобы верить в Бога, человек играющий становится подвластным судьбе, року. Священнослужители отмечают, что этому подвержены не все люди, а только маловерные, слабодушные, поэтому церковь активно выступает против игр, т. к. все маловерные участники игр могут быть утрачены для церкви как верующие.

Итак, участием в играх христианин нарушает первую, третью и четвертую христианские заповеди: о единственном Боге, который создал все сущее и единственно кому следует верить; о запрете упоминания Бога понапрасну; о том, что занятия человека должны исчерпываться либо работой либо молитвами к Богу. В целом можно подытожить, что нарушение игроком этих заповедей ведет к переориентации христианина с христианских на иные мировоззренческие позиции, будь это полное подчинение власти Дьявола или просто отход от ортодоксальных религиозных догм, с чем церковь примириться не может.

Кроме того, игрок во время игры впадает в ряд грехов, попавших в перечень семи смертных грехов христианина.

Во-первых, игрок подвержен тягчайшему из всех семи смертных греху – гордыне. Гордыня – это чрезмерная вера в собственные возможности, вступающая в противоречие с величием Господа. Возвышение над Богом игрока состоит в том, что игрок, понимая, что не все в игре будет зависеть от его возможностей, в то же время рассчитывает на победу, хотя все сущее в этом мире, с точки зрения религии, создал и создает только Бог. Широкое толкование этого смертного греха состоит в том, что человек не должен возвышать себя не только над Богом, но и над другими людьми, т. к. перед Богом все равны. В любой игре обойти этот грех не представляется возможным: любая игра – «борьба за что-то или показ, представление этого чего-то. Обе эти функции игры могут и объединяться, так что игра... превращается в состязание в том, кто именно сможет показать что-то лучше других». Таким образом, человек всегда вступает в игру, чтобы победить другого, т. е. воз-

выситься над ним, что, с точки зрения религии, является грехом.

Во-вторых, игрок подвергается таким грехам, как леность – праздность, избегание физической и духовной работы.

В-третьих, игрок впадает в алчность, т. к. большинство игр ведется на деньги или вещи. Алчность (жадность, сребролюбие) – желание материального богатства, жажда наживы с игнорированием духовного. Есть точка зрения, согласно которой именно «таившаяся под прикрытием забавы алчность породила гнуснейшую из страстей – страсть к игре».

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что у священнослужителей более чем достаточно оснований для запрета игр. Зримо эти запреты были выражены в решениях VI Вселенского Собора, откуда затем были перенесены в Российский Стоглав 1551 г. со значительными дополнениями.

Святой Вселенский VI Собор, проходивший в период с 681 по 691 г. в Константинополе, завершился принятием Правил Святого Вселенского VI Собора, включающих сто два положения. В указанных правилах играм посвящены постановления № 24, 50 и косвенно – 51. Постановление № 24 запрещает всем числящимся в священном чине, а также монахам присутствовать на позорящих игрищах под страхом отлучения от церкви. Постановление № 50 запрещает мирянам предаваться «предосудительной игре» также под страхом «отлучения от общения церковного». Какие именно игры следует считать «предосудительными», в Правилах не указывается. Постановление № 51 «совершенно возбраняет быть смехотворцам и их зрелищам, а также зрелища звериные творить и плясания». Таким образом, наиболее прямо игры упомянуты в двух постановлениях Правил Святого Вселенского VI Собора. Оба постановления запрещают участие в играх, различие заключается в адресате: постановление № 24 запрещает игры служителям церкви, а постановление № 50 – мирянам. Постановление № 51 запрещает игры в самом широком смысле слова, игры в значении «развлечения», используя термин «зрелища».

Совершенно очевидно, что все названные постановления Правил Собора направлены не против парных или иных игр, в которых задействовано небольшое число игроков, а против коллективных игрищ времен язычества (пляски, состязания в физической силе, перепрыгивание через костер и т.д.). Иными словами, «начальный период становления Христианской церкви проходил под флагом борьбы с языческими обычаями в различных формах их проявлений». Именно этим объясняется столь суровое наказание за нарушение этих запретов –

отлучение от церкви, т. к. язычники считались безбожниками. А с учетом того, что раннее право, в том числе и каноническое, носит казуистический характер, в Правилах Святого Вселенского VI Собора можно наблюдать неоднократные повторы одного и того же положения с незначительными, с точки зрения содержания самого правила, различиями (например, различия по субъекту, хотя само правило для разных субъектов одинаковое). Общий вывод, который можно сделать на основе анализа постановлений Святого Вселенского VI Собора, состоит в том, что в VII в. церковь еще не запрещала тихих комнатных (неколлективных) игр, против которых борьба развернется несколько позднее. Но не стоит считать, что церковь в это раннее время относилась безразлично к малоколлективным играм по той причине, что не видела в них нарушение заповедей и производных от них правил. Дело в том, что, вероятнее всего, в этот ранний период игры, которые позднее получили наименование азартных, не были еще широко распространены, и вред, причиняемый ими, был церковью не осужден.

В более позднее время распространение игр и усиление производимого ими негативного эффекта нашли отражение в отечественных источниках канонического права. В Стоглаве 1551 г. регламентации игр, а точнее их запрету, посвящены гл. 90 и 92, которые являются ответом русского церковного Собора 1551 г. на двадцатый и двадцать четвертый вопросы царя, соответственно.

Двадцатый царский вопрос русскому церковному Собору касается нарушений игроками христианских заповедей, т. е. истинное первоначальное основание запрета игр отодвинулось в XVI в. на дальний план, а основное беспокойство вызывали последствия, к которым могли привести игры. Анализ текста не позволяет найти хоть какую-нибудь связь между негативным отношением к играм в XVI в. с попираем Бог участником в играх, которое виделось священнослужителям в VII в., когда разрабатывались Правила Святого Вселенского VI Собора: «Дети боярские и... всякие бражники зернью играют и пропиваются. Ни службы не служат, не работают, и от них всякое зло чинится: крадут и разбивают, и души губят. И то бы зло искоренить. И о том ответ [прошу дать]...».

Причины смены акцентов в основаниях запрета игр можно видеть в том, что, во-первых, к XVI в. язычество в основном было побеждено христианством; во-вторых, можно наблюдать смену типа запрещаемых игр: в вопросе идет речь не о массовых игрищах, а о малоколлективной игре, не восходящей корнями к языче-

ским обрядам; в-третьих, приведенный вопрос русскому церковному Собору задает царь, т. е. лицо, не являющееся священнослужителем. Царю, как православному христианину, конечно, известны религиозные основания запрета «бесовских игрищ», и позиция церкви по отношению к играм ему также известна, но его как главу государства заботит физическое, нравственное состояние народа, порядок в государстве, а игры, даже малоколлективные, представляют опасность для этих ценностей, и царь решает использовать для борьбы с играми религиозные основания, призывая Собор дать ответ о том, как такое зло можно искоренить. Расчет царя был верным: существующий религиозный запрет на игры, происходящие из язычества, будет легко перенесен и на новые игры, опасные не столько для церкви, хотя участием в них также нарушаются христианские заповеди, сколько разлагающие подданных, что способно привести к беспорядкам в государстве.

Ответ русского церковного Собора на двадцатый вопрос царя изложен в гл. 90 Стоглава: за «всякие игры, и глумы, и позорища всем причетникам отреченными быть по пятидесятому и пятьдесят первому правилам Святого Вселенского VI Собора... Из мирских христиан кто играет или плясание творит... таковых отлучать». Глумами, игрищами и плясаниями церковь именovala обрядовые языческие действия, дав им общее название – позорища, т. к. подобные действия позорят христианина. Следовательно, анализ ответа царю, данный священнослужителями, все-таки построен в ключе борьбы с играми как с проявлениями язычества, т. е. как со злом, угрожающим церкви, а не как с новым видом зла, угрожающим государству. Тем не менее, следует признать, что царский расчет оправдался, и запрет на игры как таковые без уточнения вида игры был закреплён в письменном каноническом источнике – Стоглаве 1551 г.

Двадцать четвертый царский вопрос русскому церковному Собору, напротив, всецело касается именно публичных игрищ, берущих свое начало в языческие времена: «... в Иванов день и в Рождество Христово, и в Крещение сходятся мужи и жены, и девицы на ночное купание, и на бесчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание, и на скакание, и на богомерзкие дела. И бывает отрокам осквернение и девам растление И когда начнут заутреню звонить, тогда заходят домой к себе и падают, как мертвые... И о том ответ [прошу дать]...». Оценивая данный вопрос царя священнослужителям, можно отметить, что царя вновь интересует не только, а возможно, и не столько нарушение описанными действиями христиан-

ских заповедей, сколько моральный облик молодежи, участвующей в таких мероприятиях.

Ответ Собора дан в гл. 92 Стоглава, которая носит название «Ответ об игрищах еллинского бесования». В ответе церковь традиционно возводит запрет игр к причинам, описанным выше: игра есть отказ от веры в единого Бога и предание себя иным силам. В ответе русского церковного Собора прямо указывается, что он основан на пятидесятом и пятьдесят первом правилах Святого Вселенского VI Собора, которые «запрещают всякое игриание».

Распространение запрета языческих игр на малоколлективные азартные игры – классический пример расширительного толкования нормы права, ведь в правилах Святого Все-

ленского VI Собора ничего не говорится о шашках, игре в кости и иных азартных играх.

Сама церковь, конечно, тоже была поборницей высоконравственного поведения, однако под ним понималось полное соответствие религиозным требованиям, а царя нравственное поведение подданных интересовало как гарантия поддержания порядка в государстве. В средствах, таким образом, царь и церковь были едины (понижение степени эмоциональных потрясений общества, введение общества в некое спокойно-равнодушное состояние), а их цели несколько различались: церкви это нужно было для удержания масс в статусе православных христиан, а государству – для обеспечения правопорядка.

1. Десять заповедей на русском языке (Синодальный перевод). URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Десять_заповедей.

2. О борьбе с еллинскими обычаями. URL: http://ieromonahru.narod.ru/verouchenie/agioskanon/vsobor/006_r71.htm/.

3. Об играх забавы, расчета и корысти. Исторические изыскания и современные соображения. Русский инвалид. 1858. № 211.

4. Огрызков С. Семь смертных грехов и десять заповедей. URL: <http://stanislaw.ru/rus/research/sintestament.asp>.

5. Правила Святого Вселенского VI Собора. URL: <http://www.heretics.com/library/docs/sobor/sobor6.htm>.

6. Стоглав 1551 г. // Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2.

7. Хейзинга Й. Человек играющий. Статьи по истории культуры. М., 2003.

1. Ten precepts in Russian (Synod transfer). URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Десять_заповедей.

2. About struggle with alien customs. URL: http://ieromonahru.narod.ru/verouchenie/agioskanon/vsobor/006_r71.htm/.

3. About games of an entertainment, calculation and self-interest. Historical researches and modern reasons//the Russian invalid. 1858. № 211.

4. Ogrizkov S. Seven bits of mortal sins and ten precepts. URL: <http://stanislaw.ru/rus/research/sintestament.asp>.

5. Rules of Sacred Universal VI Cathedral. URL: <http://www.heretics.com/library/docs/sobor/sobor6.htm>.

6. Hundredpart 1551 // the Russian legislation X–XX cent. M., 1985. Т. 2.

7. Heizinga J. Player. Articles on cultural history. M., 2003.

Жук Максим Сергеевич

кандидат юридических наук,
докторант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
(e-mail: zhuk.maksim@mail.ru)

Формирование представлений об институтах уголовного права в истории отечественной науки

Статья посвящена ретроспективному анализу зарождения, формирования и развития доктринальных представлений об уголовно-правовых институтах. Автор рассматривает влияние различных правовых школ на процесс исследования феномена института уголовного права, сопоставляет точки зрения видных представителей отечественной науки.

Ключевые слова: уголовное право, институт, система, структура, норма, развитие.

M.S. Zhuk, Master of Law of a Chair of Criminal Law and Criminal Science of Law faculty of the Kuban State University; e-mail: zhuk.maksim@mail.ru.

Formation of perception of criminal law institutions in the national science history

The article is devoted to retrospective analysis of generation, forming and development of doctrine ideas of criminal legal institutions. The author studies different legal schools influence on the process of criminal law institution phenomenon studies, compares view points of prominent national scientists.

Key words: criminal law, institution, system, structure, norm, development.

Особенности развития русского права, проявлявшиеся в том числе и в специфике используемых языковых форм (а именно в том, что правовые установления на Руси облекались в форму простого, народного, а не узкоспециализированного, юридического языка), а также в заимствованиях менее развитого, по сравнению с римским, византийского права, вплоть до XV в. не создавали ощутимой потребности в обособлении юриспруденции как специальной сферы человеческой деятельности и в юристах как профессиональной группы лиц.

Такая потребность появилась лишь в связи с вызванным объединением русских земель, укреплением правовых основ единого Русского государства. На передний план правового развития Руси в это время выступает задача создания единого для всего государства права. Для выполнения этой задачи требовалась систематизация законодательства, как считают специалисты, систематизация особого рода. Речь шла в первую очередь не об организации правового материала по отраслям и институтам, а о том, чтобы свести нормы, разбросанные по различным законодательным актам Московского государства и бывших самостоятельных княжеств, содержащиеся в различных правовых памятниках прошлых эпох, в единый общерусский судебник. Соответственно такой задаче русская юриспруденция развивалась в XV–XVII вв. главным образом как совокупность практических навыков, компиляция законодательного материала, прие-

мов и способов его модификации, переработки с целью приспособления к изменившимся социально-экономическим и политическим условиям. И лишь в определенной мере совершенствовались навыки формулирования новых норм, лишь в малой степени развивалось умение группировки правового материала по отраслям и институтам [15, с. 49].

Подобный тип юриспруденции получил в отечественной литературе наименование «практической» как в силу специфики решаемых ею задач, так и по причине того, что ее представителями были по преимуществу практические работники – дьяки. Умея применять закон к отдельным практическим случаям жизни, зная все тонкости и лазейки делопроизводства, эти практические юристы были бесконечно далеки от систематизированного и обобщенного конструирования окружавшей их правовой действительности. Вплоть до XIX в. русским юристам так и не удалось разбить правовой материал на отрасли и институты, отделить нормы собственно уголовно-правового содержания от иных правовых предписаний. Наиболее распространенным приемом систематизации правового материала в эпоху Средневековья и Нового времени оставался хронологический, суть которого состояла в сведении разновременных нормативных положений в единый правовой документ и дополнении уже существующих норм теми или иными новыми предписаниями, зачастую без какой-либо внутренней переработки.

Нормативной вершиной творчества представителей практической юриспруденции справедливо можно считать Соборное уложение 1649 г. Сравнительно большой объем правового материала, с которым столкнулись создатели Уложения, с особой остротой поставил вопрос о группировке и классификации норм. Все содержание Уложения разбито на главы, каждой из которых дано свое наименование, нормы сгруппированы в таком порядке, что возможно выделить отдельные виды права и зачатки собственно уголовно-правовых институтов. Однако и применительно к данному памятнику трудно говорить о систематизации в собственном смысле этого слова. Как отмечает С.В. Пахман, система Уложения определялась особым началом: большей или меньшей важностью тех приказов, из которых заимствовано содержание Уложения [14, с. 235]. Такое положение было вполне закономерным. Сугубо практическая, прикладная юриспруденция не могла обеспечить распределение правового материала в соответствии с настоящей системой. С изданием Уложения такой тип юриспруденции исчерпал возможности своего развития. Он перестал соответствовать социально-экономической, политической и правовой эволюции русского общества и не мог способствовать решению новых задач, порожденных ею [16, с. 52]. Практическая юриспруденция постепенно уступила место юриспруденции теоретической. И именно с XVII в., как отмечала Н.Ф. Кузнецова, российские ученые становятся все более действенной силой в систематизации законодательства, в том числе уголовного, в иницировании и соавторстве написания кодексов (уложений), последующих изменений и дополнений к ним [12, с. 243].

Толчком к развитию теоретической юриспруденции стали, безусловно, Петровские реформы, вызвавшие к жизни острую потребность в укреплении и унификации законности, а равно значительное увеличение объемов правового материала, его кардинальное обновление и многочисленные зарубежные заимствования.

Учитывая необходимость в упорядочении правовых установлений, на всем протяжении XVIII в. государственная власть в России предпринимала энергичные меры по систематизации законодательства. Петр Первый в 1700, 1714 и 1720 гг. последовательно учреждал три комиссии для составления свода всех законодательных положений, изданных после Соборного уложения. Затем были комиссии 1728, 1730, 1754 гг. [16, с. 56–57]. Однако их работа не увенчалась принятием какого-либо нормативного документа.

Вместе с тем, нельзя сказать, что подобного рода юридические опыты, имевшие место на всем протяжении XVIII в., были бесполезны в решении задач оформления и систематизации

основных уголовно-правовых институтов. Они создавали необходимую основу для собственно научной, теоретической обработки законодательного материала, первый опыт которой мы встречаем в известном Наказе Екатерины Второй, данном Комиссии для составления нового уложения. Этот документ, отражавший передовые для того времени постулаты естественно-правовой доктрины, содержащий многочисленные заимствования из трудов Беккариа и Монтескье, носил во многом программный характер и, естественно, не имел целью систематизацию уголовно-правовых норм, их «разбивку» по правовым институтам. Однако он содержал в себе важнейшие идеи, справедливо претендующие на роль принципов уголовного права и его отдельных институтов, которые, хотя и не были в полной мере реализованы при законодательных работах, тем не менее, оказали значительное влияние и на содержание принимаемых в стране нормативных актов, и на сознание лиц, представляющих правотворческие и правоприменительные органы.

С работой екатерининской комиссии связано и еще одно важное для познания истории научной разработки институтов уголовного права событие. Речь идет о создании в рамках работы данной комиссии «Экстракта из законов по Юстиц-Комиссии, сочиненного Петром Вешняковым в 22 главах» [25, с. 160–161]. Он представляет собой расположенные в определенном порядке, систематизированные выдержки из Соборного уложения, являвшегося в ту пору основным юридическим кодексом, и последующих указов, артикулов, постановлений, которые касаются вопросов уголовного права. Особенность данного документа состоит в том, что, в отличие от прежних многочисленных попыток систематизации правового материала, здесь применение хронологического принципа систематизации сочетается с предметным, предполагающим строгий отбор уголовно-правовых норм и их отграничение от предписаний иной отраслевой принадлежности. И это – тоже следствие екатерининских идей. В ст. 468 Наказа она писала: «...не должно же криминальных законов смешивать с законами, учреждающими судебный порядок».

Такой подход стал своего рода основой для научной систематизации уголовно-правовых норм в XIX в. Уже при Александре Первом в рамках работы созданной им Комиссии составления законов (в состав которой входили Завадовский, Ананьевский, Пшеничный, Прянишников, Радищев, Ильинский, позднее – Сперанский, Яков, Горегляд) Министерством юстиции готовится доклад, в котором предлагается план выработки уголовного уложения. Согласно этому докладу уголовные законы должны были составлять самостоятельную часть книги законов.

Часть эта, в свою очередь, должна была распаться на два отдела, из которых первый должен был содержать собственно «Устав уголовный». Устав предлагалось разбить на два отделения, соответствующих современным представлениям об Общей и Особенной частях уголовного закона. Первое должно было затрагивать вопросы: о преступлении и наказании вообще; об отличительных свойствах разных преступлений; о степенях преступления (явное намерение, виновность, неосторожность); остальные девять рубрик – вопросы покушения, соучастия, наказания и др. Отделение второе предусматривало описание конкретных преступлений и наказаний. При этом все преступления делились на две категории: 1) против благосостояния государства и 2) против благосостояния частного лица (подобная классификация преступлений встречается уже в Наказе Екатерины Второй). Преступления против благосостояния государства делились на три группы: 1) против веры, против особы государя, злоупотребление против государства и императорской фамилии; 2) против внешней безопасности государства, внутренней тишины и сопротивление властям; 3) против частных прав государства, государственных чиновников и преступления самих чиновников. Преступления против частных лиц разделялись на «общеопасные» (зажигательство, убийство, обманы, сопротивление властям и др.) и такие, «когда нарушаются оными права частных людей без возмущения общей тишины» (изнасилование, оскорбление, злоупотребление домашней властью и др.) [25, с. 247–248].

Эта система, при всех ее недостатках, была использована начальником отделения комиссии коллежским советником Якобом для составления Проекта Уголовного уложения, более известного как Проект 1813 г. Он был первой попыткой систематизации уголовного права, которая реализовалась в конкретном документе. И хотя проект не получил законодательного оформления, он составил определенную исходную базу дальнейшей деятельности по приведению в систему уголовного законодательства [3, с. 13]. Проект 1813 г. получил высокую оценку Н.С. Таганцева, который его несомненной заслугой считал появление впервые в отечественном уголовном праве Общей части, структура и содержание которой во многом предопределили строение Общей части тома XV Свода законов Российской империи 1832 г. [19, с. 103].

Становление и развитие в России нового способа изложения и расположения уголовно-правового материала не на основе хронологии или алфавита, а исходя из понимания внутреннего существа данного материала наблюдается лишь с момента знакомства отечественных специалистов с трудами А. Фейербаха, прежде все-

го, с его знаменитым учебником уголовного права, который уже в 1810 г. был напечатан в России на русском языке [24]. Как отмечает Г.С. Фельдштейн, перевод учебника Фейербаха послужил фактически «путеводной нитью, которая помогла русской науке выбраться из лабиринта «памятников» и собраний указов на равнине научно-догматического построения уголовного законодательства» [25, с. 292].

Имеющими принципиальное значение для научной систематизации норм и институтов уголовного права стали вышедшие в первой половине XIX в. труды О. Горегляда, П. Гуляева, Г. Солнцева, С. Протасова. В них впервые в отечественной уголовно-правовой литературе с привлечением не только исторического, но, прежде всего, догматического и сравнительно-правового методов излагается системный взгляд на основные понятия и институты уголовного права, хотя само понятие института в них, естественно, еще не употребляется.

Развитию и углублению теоретических представлений об уголовном праве, его догме и систематике во многом способствовала параллельно протекающая работа по составлению Свода законов Российской империи и реформа юридического образования в стране. Последняя, в частности, нашла отражение и в принятом 26 июля 1935 г. Университетском уставе, которым предписывалось на каждом юридическом факультете иметь среди прочих кафедру законов полицейских и уголовных, а также кафедру римского законодательства. Сохранение в числе дисциплин, предназначенных к преподаванию на юридических факультетах, науки римского права имело большое значение. Изучение римской правовой культуры было призвано восполнить имеющийся в отечественной юриспруденции недостаток общетеоретических и философских знаний. Знакомство и творческое изучение римского права, привлечение зарубежных теоретических источников значительно обогатили собранное представителями естественно-правовой и исторической правовых школ уголовно-правовое наследие и в конечном итоге создали необходимые предпосылки для качественного обновления методологии правовых исследований, связанного с привнесением на юридическую почву идей позитивизма.

Возникновение юридического позитивизма связано с укреплением и совершенствованием правовой оболочки развивающихся капиталистических отношений. В теоретическом плане юридический позитивизм стал основой формально-догматической юриспруденции с ее тонкой разработкой правовых форм регулирования общественных отношений, беспробельности правового регулирования, точности определения юридических ситуаций, процедур, способов и

средств разрешения правовых споров, проблем законодательной техники. Именно позитивизм довел до совершенства разработку приемов толкования правовых норм, особенно логических, систематических, грамматических [8 с. 418]. Ему же принадлежит заслуга в теоретическом обосновании системных свойств права и его внутреннего строения.

В российском уголовном праве середины XIX в. позитивизм представлен, прежде всего, классической школой, важным стимулом развития которой стала успешная кодификация права и принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Новый кодекс требовал объяснений, комментариев, необходимо было систематизировать уголовно-правовые понятия, совершенствовать юридическую технику. Именно «классики» решали эти задачи, закладывая основы современного представления о структуре и системе уголовного права.

В произведениях видных представителей российской классической школы уголовного права (Н.С. Таганцева, Н.Д. Сергиевского и др.) мы не встречаем еще определения понятия «институт уголовного права», разработку его структуры и видов, нет и самостоятельных разделов в их трудах, посвященных систематизации уголовного права. Однако в них уже имеются некоторые принципиально важные положения и выводы, значимые для формирования научных представлений о строении и систематизации уголовно-правовых институтов. Вместе с тем, полноценного учения об институтах уголовного права классическая школа уголовного права в это время создать в силу объективных причин еще не смогла, отчасти в силу того, что столь необходимый для их анализа системный подход вышел на арену научных исследований гораздо позже.

Необходимой предпосылкой научного осмысления институтов уголовного права должно было стать понимание уголовно-правовых норм как самостоятельных правовых норм в собственном смысле этого слова.

При объективно имеющихся недоработках и упущениях заслуга классической школы, тем не менее, состоит в тщательном анализе догмы уголовного права, общих принципов построения уголовного кодекса, глубоком исследовании структуры уголовно-правовой нормы, в решении целого ряда иных задач, непосредственно связанных с проблемами систематизации уголовно-правовых норм и построения уголовно-правовых институтов.

В заслугу представителям классической школы необходимо поставить и теоретическое обоснование обособления уголовно-правовых норм от иных предписаний криминального толка, прежде всего уголовно-процессуальных. Так, в одном из первых русских учебников по уголов-

ному праву В.Д. Спасович указывал, что уголовное право делится на материальное и формальное. «Первое из них, или уголовное право в тесном смысле, включает в себе все законы, определяющие преступления и соответствующие этим преступлениям наказания» [18, с. 3]. Аналогичные утверждения встречаем у С. Будзинского, Л.С. Белогриц-Котляревского и других авторов [5, с. 1–2, 8], которые содержание своих курсов уголовного права ограничивали исключительно материально-правовой проблематикой, не вторгаясь в область уголовного процесса и судостроительства. Тем самым в приложении к исследуемой нами проблематике важно отметить, что к середине XIX в. произошло четкое, недвусмысленное, теоретически выверенное обособление уголовно-правовых институтов от иных правовых предписаний, оформился соответствующий тому времени содержательный каркас уголовно-правовой отрасли, определилось и ее место в системе права страны.

Если «классики» считали вопросы формы, внутренней структуры и системы уголовного права имеющими принципиальное значение для обеспечения полноты и непротиворечивости уголовно-правового регулирования, то представители двух других известных уголовно-правовых школ – антропологической и социологической – уделяли им гораздо меньшее значение.

Строго говоря, «антропологи» и «социологи» направили свои усилия на разработку вопросов содержания отдельных уголовно-правовых институтов, а не их формы. Так, представители социологической школы, отвергая принцип вины, предлагали отказаться от целого ряда традиционных институтов уголовного права – соучастия, неоконченного преступления и др. В то же время их заслугой следует признать детальную разработку вопросов о целях и видах уголовного наказания, об условном осуждении и досрочном освобождении от отбывания наказания, о правилах назначения наказания с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств и др. Равным образом представители антропологической школы предприняли ряд важнейших шагов в части разработки учения о вменяемости, «уменьшенной вменяемости», возрасте уголовной ответственности, учете данных о личности виновного при назначении уголовного наказания, применении мер медицинского характера к лицам, страдающим психическими аномалиями и др.

В рамках настоящей статьи нет особой необходимости в детальном освещении достижений и просчетов каждой из уголовно-правовых школ, их влияния на законодательство и исторического значения. Можно лишь с известной долей условности утверждать, что между школами произошло своего рода «разделение труда»: совместно

обсуждая пути совершенствования уголовного законодательства и права, «социологи» и «антропологи» именно на «классиков» переложили решение вопросов внешней формы и структуры уголовного права, с одной стороны, самоустранившись от их обсуждения, а с другой – признавая качественными и достаточными сделанные «классиками» выводы, используя предложенные ими формы для структурирования собственного правового материала.

Определенное пренебрежение представителей социологической школы вопросами формы уголовного права с полной силой проявилось после октября 1917 г. В силу ряда исторических причин (включая кризис классической уголовно-правовой школы, проявившийся в ее неспособности объяснить рост преступности при постоянно совершенствующемся уголовном законе) именно идеи представителей социологической школы уголовного права были в большей степени востребованы революционной властью при разработке и реализации уголовной политики советского государства.

По оценке советских специалистов, «советское уголовное право возникло на развалинах буржуазного права. Оно сразу выявило свое принципиальное, качественное отличие от буржуазного уголовного права. Ни о какой «рецепции» буржуазного права, ни о какой преемственности права, правовой идеологии не могло быть и речи. Уголовное право, созданное советской властью, возникло и развивалось как качественно отличное, новое уголовное право, советское социалистическое уголовное право» [6, с. 54].

Характерной особенностью истории уголовного права первых лет советской власти стало то, что оно создавалось не столько представителями юридической науки, сколько практическими деятелями советской юстиции, что позволяет говорить в известном смысле о «втором пришествии» в Россию практической, прикладной юриспруденции, для которой, само собой разумеется, теоретические обобщения, в частности вопросы оформления и систематизации институтов уголовного права, были чрезвычайно далеки. Однако этот период был непродолжительным и «революционное правотворчество народных масс и советских судов» уже в первой половине 20-х гг. XX в. было ограничено кодифицированными уголовно-правовыми актами.

При разработке первого советского Уголовного кодекса с особенной остротой проявилось стремление становящейся советской науки максимально дистанцироваться от наработанных веками правил составления уголовных законов и их систематизации. Высказывались предложения даже отказаться от Уголовного кодекса. Так, М.Ю. Козловский писал, что после своей победы пролетариат «бросает кодексы права в корзину

как ненужную вещь» и выковывает в процессе борьбы новое, пролетарское право; что право – вообще не кодекс, не писанный свод законов; что без всяких законов и особых правил пролетариат способен бороться со своими классовыми врагами [19]. Довольно популярны были представления о том, что если и нужен Уголовный кодекс, то он должен быть не кодексом в обычном, «буржуазном» понимании, а «примерной инструкцией», «директивой центра местам», «изложением общих основ социалистической карательной политики» (Левитин, Берман). Д.И. Курский, будучи народным комиссаром юстиции, выступал за создание кодекса «без точных дефиниций преступления». Многие авторы, в том числе Н.В. Крыленко, полагали, что статьи Особенной части Уголовного кодекса не должны содержать санкций, что судам следует лишь дать перечень карательных мер для свободного выбора. П.И. Стучка некоторое время выдвигал идею составления кодекса в форме вопросов и ответов, считая, что отказ от постатейного изложения материала будет «формой пролетарского права будущего» [23, с. 15–16].

Наличие этих, отражающих левое крыло социологической уголовно-правовой школы, идей в совокупности с политическими установками власти и идеологическим неприятием всего того, что было накоплено наукой прошлых лет, несомненно, отразилось на состоянии доктрины уголовного права, обусловило практически полное забвение проблематики, связанной с внутренним строением уголовного права и систематикой его институтов. Способствовало этому и имевшее место представление о возможном (потенциальном) отмирании вообще всякого права в условиях социалистического общества.

Объективная потребность в детальной проработанности основных институтов уголовного права и их научной систематизации проявила себя уже в 30–40-е гг. XX в. при составлении проектов Уголовного кодекса СССР. Так, например, Общая часть проекта 1939 г. включала четыре раздела: Общие положения, Пределы действия УК СССР, Преступление, Наказание. Общая часть проекта 1947 г. содержала уже шесть глав: Общие положения, О пределах действия УК, О преступлении, О наказании и его видах, О порядке применения наказания, О принудительных мерах медицинского характера в отношении невменяемых [23, с. 246–248]. Эти проекты сыграли важную роль в правовой реформе 60-х гг. прошлого века и подготовке уголовного законодательства.

Несомненной заслугой отечественной юриспруденции середины XX в. стало широкое обсуждение вопроса об отраслевой чистоте уголовного права и обособлении институтов, регламентирующих исполнение уголовного наказания

в рамках самостоятельной отрасли права. Несмотря на принятие в качестве самостоятельного закона Исправительно-трудоу кодекса РСФСР в 1924 г., наличие пенитенциарных секций в ряде научных юридических учреждений, преподавание с 1925 г. в качестве отдельной дисциплины пенитенциарного права, проблемы теории уголовно-исполнительного права оставались на периферии научных исследований. В 20–30-е гг. XX в. уголовно-исполнительное («исправительно-трудоу» – в прежней терминологии) право рассматривалось как составная часть уголовного права. В.Г. Смирнов и в 1965 г. признавал, что исправительно-трудоу право есть подотрасль уголовного права [17, с. 168]. Однако появившаяся тенденция к обособлению уголовно-исполнительного права в конечном итоге одержала верх. Одним из первых с соответствующим предложением выступил Б.С. Утевский, который был поддержан и другими крупными специалистами (Н.А. Стручковым, Н.А. Беляевым, Ю.М. Ткачевским, М.А. Ефимовым и др.) [11, с. 98–100]. Ими был приведен целый ряд теоретических аргументов в пользу обособления исполнительных норм от собственно уголовно-правовых в рамки самостоятельной отрасли. Применительно к проблемам, рассматриваемым в настоящей работе, это означало принципиальное уточнение предмета уголовного права и системы норм, его образующих, «очищение» уголовно-правовой отрасли от тех образований, которые выходят за пределы ее предмета.

Важно подчеркнуть, что доктринальные и законотворческие разработки структуры уголовного права и оформление его основных институтов проходили на фоне широко развернувшейся в советской науке общетеоретической дискуссии

относительно системы права. Одним из итогов обсуждения проблемы стало почти общепризнанное представление о структуре права и внутреннем строении его отраслей, которое включает в себя нормы, институты, подотрасли. В то же время, несмотря на достаточно активное исследование вопросов, связанных со строением правовых отраслей в общей теории права [1, 2, 4, 7, 13], необходимо признать, что отечественная уголовно-правовая наука и в середине XX в. оставалась практически равнодушной к анализу проблем внутреннего строения, структурирования отрасли. Только в 1980-е г. были опубликованы первые работы, специально посвященные исследованию институтов уголовного права (Н.И. Коржанский, Э.С. Тенчов) [10, 20, 21]. Анализ библиографии по уголовному праву, насчитывающей свыше 20 тыс. наименований литературы и охватывающий период с 1830 по 2002 г. [22], показывает, что более к данной проблеме наша наука не обращалась.

Вместе с тем, период начиная с 70–80-х гг. прошлого столетия характеризуется активным стремлением приложить лекало института уголовного права к самым различным группам уголовно-правовых норм.

Оценивая развитие доктринальных представлений о системе уголовного права на всем протяжении существования российской уголовно-правовой науки, приходится констатировать, что в ней так и не было создано самостоятельной, целостной, завершенной концепции правовых институтов. Наука только сегодня приступает к решению этой фундаментальной задачи. Тем не менее, анализ показывает, что предшествующее развитие уголовно-правовой доктрины создало для этого все необходимые предпосылки.

1. Алексеев С.С. *Общие теоретические проблемы системы советского права*. М., 1961.

2. Алексеев С.С. *Структура советского права*. М., 1975.

3. Андрусенко О.В. *Систематизация уголовного законодательства Российской империи (первая половина XIX века): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.*

4. Бабаев В.К. *Советское право как логическая система*. М., 1978.

5. Будзинский С. *Начала уголовного права*. Варшава, 1870.

6. Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. *История советского уголовного права. 1919–1947 гг.* М., 1948.

7. Иоффе О.С. *Структурные подразделения системы права (по материалам гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968.*

1. Alekseev S.S. *Common theoretical problems of system of the Soviet right*. M., 1961.

2. Alekseev S.S. *Structure of the Soviet right*. M., 1975.

3. Andrusenko O.V. *Systematization of the criminal legislation of the Russian Empire (the first half of the XIX cent.): avtoref. dis. ... Master of Law. Yekaterinburg, 2000.*

4. Babayev V.K. *Soviet right as logical system*. M., 1978.

5. Budzinsky S. *Beginings of criminal law*. Warszawa, 1870.

6. Gertsenzon A.A., Gringauz Sh.S., Durmanob N.D., Isayev M.M., Utevsky B.S. *History of the Soviet criminal law. 1919–1947*. M., 1948.

7. Ioffe O.S. *Structural divisions of system of the right (on materials of civil law) // Scientific notes of VNIISZ. Fasc. 14. M., 1968.*

8. *History of political and legal doctrines. Pre-Marxistperiod: textbook / ed. by O.E. Leysta. M., 1991.*

8. История политических и правовых учений. Домарксистский период: учеб. / под ред. О.Э. Лейста. М., 1991.
9. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1.
10. Коржанский Н.И. Иерархия уголовно-правовых институтов // Проблемы применения правовых норм на предварительном следствии: сб. науч. тр. Волгоград, 1982.
11. Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1977.
12. Кузнецова Н.Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество // История развития уголовного права и ее значение для современности: материалы V Международ. науч.- практ. конф., состоявшейся на юрид. факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, 26–27 мая 2005 г. М., 2006.
13. Павлов И.В. О системе советского социалистического права. М., 1958.
14. Пахман С.В. История кодификации гражданского права. СПб., 1876. Т. 1.
15. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1986.
16. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / отв. ред. Е.А. Скриплев. М., 1992.
17. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л., 1965.
18. Спасович В. Учебник уголовного права. М., 1863. Т. 1.
19. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. М., 1994. Т. 1.
20. Тенчов Э.С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. № 8.
21. Тенчов Э.С. О принципах и основаниях закрепления в законе системы уголовно-правовых институтов // Направления уголовной политики в борьбе с преступностью: сб. науч. тр. Свердловск, 1986.
22. Трикоз Е.Н. Библиография по уголовному праву России. М., 2003.
23. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978.
24. Уголовное право. Сочинение доктора Паела Анзельма Фейербаха. СПб., 1810.
25. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003.
9. Kozlowski M.Yu. Proletarian revolution and criminal law // Proletarian revolution and right. 1918. № 1.
10. Korzhansky N.I. Graduation of criminal and legal institutes // Problems of application of rules of law on preliminary investigation: col. of sc. works. Volgograd, 1982.
11. Criminology. Corrective-labor right. Jurisprudence history / ed. by V.N. Kudryavtsev. M., 1977.
12. Kuznetsova N.F. Science of the Russian criminal law and lawmaking // History of development of criminal law and its value for the present: mat. of international sc.-pract. conf. taken place on Law faculty of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov on May 26–27, 2005. M., 2006.
13. Pavlov I.V. About system of the Soviet socialist right. M., 1958.
14. Pakhman S. V. History of codification of civil law. SPb., 1876. T. 1.
15. Development of the Russian right in XV – the first half of the XVII cent. / ed. by V.S. Nersesyants. M., 1986.
16. Development of the Russian right of the second half of the XVII–XVIII cent / ed. by E.A. Skripilev. M., 1992.
17. Smirnov V.G. Functions of the Soviet criminal law (subject, tasks and ways of criminal and legal regulation). L., 1965.
18. Spasovich V. Textbook of criminal law. M., 1863. T. 1.
19. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. General Part. M., 1994. T. 1.
20. Tenchov E.S. Institutes of criminal law: system and interrelation // Soviet state and right. 1986. № 8.
21. Tenchov E.S. About the principles and the fixing bases in the law of system of criminal and legal institutes // the Directions of criminal policy in fight against crime: col. of sc. works. Sverdlovsk, 1986.
22. Trikoz E.N. The bibliography on criminal law of Russia. M., 2003.
23. Criminal law. Jurisprudence history / ed. by V.N. Kudryavtsev. M., 1978.
24. Criminal law. Composition of doctor Pavel Anzelm Feuerbach. SPb., 1810.
25. Feldstein G.S. The main currents in the history of science of criminal law in Russia. M., 2003.

Доев Виталий Александрович
 начальник учебно-методического кабинета
 кафедры криминалистики
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +78612583181)

Проблемы отграничения аффекта от ограниченной вменяемости в уголовном праве России

В статье рассматривается критерий вменяемости и невменяемости в момент совершения преступления. Приводится определение аффекта как кратковременного нарушения эмоционального состояния психики.

Ключевые слова: состояние вменяемости, аффект, изменение сознания, интеллектуальные сдвиги, сознательно-волевой контроль, ограниченная вменяемость.

V.A. Doyev, Chief of an educational and methodical office of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583181.

Problems of an otgranicheniye of affect from limited sanity in criminal law of Russia

In the article the criterion of sanity and diminished responsibility at the time of commission of crime is considered. Affect definition as short-term violation of an emotional condition of mentality is given.

Key words: condition of sanity, affect, consciousness change, intellectual shifts, conscious strong-willed control, limited sanity.

Состояние вменяемости предполагает, что лицо во время совершения общественно опасного деяния может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить своим поведением. Закон относит субъект аффектированного преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, к категории вменяемых лиц.

Однако согласиться с такой позицией законодателя по этому вопросу значит согласиться и с тем, что лицо в момент совершения аффектированного убийства в полной мере отдавало отчет в своих действиях и контролировало их. Но это положение противоречит самой природе физиологического аффекта, который накладывает неизгладимый отпечаток на все процессы психической деятельности человека, в том числе на сознательную и волевую сферы деятельности.

Своеобразие действий, совершаемых лицом в состоянии аффекта, заключается в том, что они непосредственно связаны с эмоциональным состоянием. Последнее характеризуется как исключительно сильное, быстро возникающее и бурно протекающее кратковременное эмоциональное состояние, которое существенно ограничивает течение интеллектуальных и волевых процессов, нарушает целостное восприятие окружающего и правильное понимание субъектом объективного значения вещей. В состоянии аффекта эмоциональное напряжение достигает столь высокой степени, что в психике и организме человека наступают качественные изменения.

Среди основных признаков, характеризующих аффект как состояние, психологи выделяют ка-

чественное изменение сознания, сужение его поля.

Аффект «тормозит сознательную интеллектуальную деятельность, динамические моменты преобладают над смысловым содержанием и изобретательной направленностью действия» [2, с. 395].

Заторможенность сознательной деятельности в состоянии аффекта вызывает сужение сознания. При этом происходит концентрация внимания субъекта на эмоционально значимых переживаниях, восприятие действительности делается неадекватным самой действительности. «Специфические изменения сознания в таком состоянии, дезорганизация поведения имеют следствием то, что человек не может полностью отдавать себе отчет в совершаемых действиях и контролировать их» [3, с. 26]. Отличительной чертой аффективных действий является во многом затруднительный сознательный контроль над ними. И.П. Павлов считал аффект психическим состоянием, наиболее связанным с инстинктивной или безусловной рефлекторной деятельностью.

Таким образом, аффект снижает возможности опосредованного отображения сущности явлений, продуктивность памяти, сужает сферу сознания в целом. В свою очередь, качественное изменение сознания, нарушение целостного восприятия субъектом ситуации и его места в ней существенно затрудняют понимание им объективного значения предметов и явлений внешнего мира.

Можно ли говорить о человеке, который находится под влиянием аффекта, у которого ослаб-

лен сознательно-волевой контроль за своим поведением, что он является вполне вменяемым, как этого требует уголовный закон? Думаем, что нет. Вменяемость предполагает, что лицо в полной мере осознает характер совершаемых им действий и может руководить ими, чего нельзя сказать о человеке, находящемся в состоянии аффекта.

В связи с этим целесообразным представляется введение в уголовный закон понятия «ограниченная вменяемость». Такой вопрос ставился в юридической и психологической литературе, и он обсуждается до сих пор. Ученые предлагают ввести ограниченную вменяемость применительно к случаям совершения преступлений лицами, имеющими аномалии в психике. Психические аномалии – это неглубокие психические расстройства, которые не исключают вменяемости лица в момент совершения им преступления [1, с. 123]. Психические аномалии предполагают, что лицо в момент совершения общественно опасного деяния не может в полной мере осознавать значение своих действий или руководить ими вследствие болезненного психического расстройства. Именно эти критерии сводятся к категории ограниченной вменяемости. Ввести категорию ограниченной вменяемости предлагали авторы проекта нового Уголовного кодекса, представленного Министерством юстиции РСФСР. В ст. 15 проекта говорится об «ограниченной вменяемости» применительно к лицам, имеющим психические аномалии: «Лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии ограниченной вменяемости, т.е. не могло в полной мере осознавать значение (вариант: опасность) своих действий или руководить ими вследствие болезненного психического расстройства, подлежит уголовной ответственности». Такое состояние лица по данному проекту УК может быть учтено при назначении наказания и может служить основанием для применения мер медицинского характера (п. 2 ст. 15 указанного проекта) [4, с. 82].

Однако в литературе не ставится вопрос о том, чтобы ввести категорию ограниченной вменяемости применительно к аффектированным преступлениям. Между тем именно ограниченная вменяемость в полной мере отражает состояние психики характерное в период нахождения в аффек-

тивном состоянии. В состоянии аффекта виновный в момент совершения преступного деяния не может в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими (что составляет критерии ограниченной вменяемости).

В силу вышеизложенного целесообразно отнести к состоянию ограниченной вменяемости не только психические аномалии, но и такое психическое состояние, как аффект, поскольку их воздействие на психику человека по своему характеру одинаково, особенно на сознание человека.

Таким образом, аффект, воздействуя на психику человека, делает невозможным полное осознание действий, совершаемых в этом состоянии, контроль за такими действиями ограничен. Все названные признаки сводятся к критериям ограниченной вменяемости, поэтому лицо, совершившее аффектированное убийство, следует отнести к категории лиц с ограниченной вменяемостью. Оно подлежит уголовной ответственности, так как аффектированные действия сохраняют свою сознательно-волевую основу, и их можно отнести к разряду волевых поведенческих актов.

Однако нельзя забывать о том, что природа психических аномалий, носящих характер неглубокого психического расстройства, и психологическая природа аффекта различны. Именно поэтому к лицам с психическими аномалиями в качестве наказания могут быть применены меры медицинского характера. А к лицам, совершившим преступление в состоянии аффекта, такие меры применяться не могут в силу того, что аффект не носит характер болезненного психического расстройства, а представляет собой нормальное психическое состояние здорового человека.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что схожесть психических аномалий и аффекта заключается лишь в том, что они в целом одинаково воздействуют на сознательно-волевою сферу деятельности виновного; это обстоятельство имеет свои уголовно-правовые последствия для лица, в том числе в сфере назначения наказания. Поэтому ограниченная вменяемость применительно к состоянию аффекта имеет правовые последствия, отличные от тех, в основе которых лежат психические аномалии, не исключаящие вменяемости лица.

1. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987.

2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.

3. Сидоров В.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань, 1978.

4. Шишков С.Н., Сафуанов Ф.С. Влияние психических аномалий на способность быть субъектом уголовной ответственности и субъектом отбывания наказания // Государство и право. 2004. № 2.

1. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. Crime and mental anomalies. M., 1987.

2. Rubenstein S.L. Bases of the general psychology. M., 1946.

3. Sidorov V.V. Affect and its criminal law and criminological value. Kazan, 1978.

4. Shishkov S.N., Safuanov F.S. Influence of mental anomalies on ability to be the subject of criminal liability and the subject of serving of punishment // State and right. 2004. № 2.

Карапетян Руслан Артурович
аспирант кафедры уголовного права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +79288273057)

Институт пожизненного лишения свободы как структурный блок правовых отношений

В статье приводится понятие пожизненного заключения под стражу. Пожизненное лишение свободы рассматривается как структурный блок правовых отношений, направленный на реализацию наказания.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, превентивное воздействие, осуществление наказания, нормы, регламентирующие наказание.

R.A. Karapetyan, Post-graduate of a Chair of Criminal Law of the North-Caucasian Federal University; tel.: +79288273057.

Institute of lifelong imprisonment as a building block of the legal relationship

The concept of a life imprisonment is given in article under guards. Lifelong deprivation is considered, how the structural block of legal relations directed on realization of punishment.

Key words: lifelong imprisonment, preventive influence, implementation of punishment, the norms regulating punishment.

Введение в российскую систему уголовных наказаний пожизненного лишения свободы как самостоятельного вида наказания предопределило процесс его институционализации, т. е. выделения, определения и закрепления в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве относительно устойчивой группы норм, регламентирующих применение, назначение, исполнение пожизненного лишения свободы как уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь и общественную безопасность, а также оснований освобождения от его отбывания. Пожизненное лишение свободы представляет собой структурно-функциональный блок правовых установлений, с одной стороны, обладающий относительной самостоятельностью в части общего превентивного воздействия на общественное правосознание, с другой – выполняющий свои особые функции в части реализации данного вида наказания в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь и общественную безопасность.

Процесс институционализации пожизненного лишения свободы стал основной тенденцией развития данного института в современных условиях. Наиболее общими его социальными функциями являются: признание приоритета права на жизнь посредством применения данного наказания как максимального, регулирование индивидуального и группового поведения социальных субъектов в направлении формирования асертивного восприятия и отношения к действительности, предоставле-

ние шанса на социальную жизнь лицам, совершившим особо тяжкие преступления, посредством возмещения ущерба, причиненного преступлением, и их ресоциализации. В целом данные функции пожизненного лишения свободы как правового института направлены на обеспечение социальной стабильности правопорядка в части обеспечения права человека на жизнь.

По действующему законодательству институт пожизненного лишения свободы определяет положения субъектов и объектов правоотношений при совершении особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь и общественную безопасность, устанавливает нормы взаимоотношений между потерпевшими и осужденным, преступником и представителями государственной власти, осужденными и общественностью и т.д., регламентирует применение пожизненного лишения свободы в целом, его назначение, исполнение и возможность освобождения от его отбывания в каждом конкретном случае, закрепляет специальный правовой статус лиц, отбывающих данный вид наказания.

Содержание института пожизненного лишения свободы определяют общие уголовно-правовые и уголовно-исполнительные нормы, регулирующие функционирование института пожизненного лишения свободы в рамках института уголовного наказания в целом, а также уголовно-правовые и уголовно-исполнительные нормы, регламентирующие назначение и исполнение пожизненного лишения свободы. К общим уголовно-правовым нормам, регулирую-

ющим функционирование института пожизненного лишения свободы, относятся: уголовно-правовые принципы как системообразующее начало данного института (ст. 2–7 УК РФ); нормы, устанавливающие место пожизненного лишения свободы в классификации преступлений (ч. 5 ст. 15 УК РФ); нормы, закрепляющие место пожизненного лишения свободы в системе наказаний (ст. 43, п. «м» ст. 44, ч. 1 ст. 45 УК РФ); установления, касающиеся понятия пожизненного лишения свободы как вида наказания (ст. 57 УК РФ); положения о дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания при пожизненном лишении свободы (ст. 58, 60–62 УК РФ), возможности условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ), снятия судимости (ст. 86 УК РФ).

В содержание данного института входит совокупность правовых предписаний уголовно-правовых санкций Особенной части УК РФ, касающихся назначения пожизненного лишения свободы. По действующему законодательству к ним относятся санкции, назначаемые за совершение квалифицированного убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ), особо квалифицированного терроризма (ч. 3 ст. 205 УК РФ), посягательства на жизнь государственных и общественных деятелей, сотрудников правоохранительных органов, лица, осуществляющего правосудие (ст. 277, 295, 317 УК РФ), геноцида (ст. 357 УК РФ).

К уголовно-исполнительным нормам, регулирующим функционирование института пожизненного лишения свободы при исполнении наказания, относятся: признание приоритета норм международного пенитенциарного права при исполнении наказания (ст. 3 УИК РФ); уголовно-исполнительные принципы как системообразующее начало правовой регламентации и практики исполнения наказания (ст. 8 УИК РФ); нормы, регулирующие специальный правовой статус данной категории осужденных (ст. 10–15 УИК РФ); нормы, закрепляющие дифференциацию и индивидуализацию исполнения наказания (ч. 10 ст. 16, ст. 18, ч. 6, 7 ст. 74, ст. 78, 82, 87, 89–95, ч. 2 ст. 96, ч. 3 ст. 97, ст. 98–102 УИК

РФ); установления, касающиеся организации труда осужденных, их выплат по исполнительным листам, профессионального образования, воспитательного воздействия (ст. 103–119 УИК РФ), особенностей уголовно-исполнительного процесса в условиях пожизненного лишения свободы (ст. 126, 127 УИК РФ), освобождения от отбывания пожизненного лишения свободы (ст. 173, 175, 176, 179, 180–183 УИК РФ). Опосредованно содержание института пожизненного лишения свободы обуславливают и иные нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также нормы других отраслей права (конституционного, международного, гражданского, семейного, трудового, уголовно-процессуального и пр.), регулирующие обеспечение прав и законных интересов обвиняемых, осужденных, потерпевших через нормы уголовного и уголовно-исполнительного права.

Таким образом, пожизненное лишение свободы является межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, социальное назначение которого заключается в защите права на жизнь и реализации соразмерного тяжести преступления уголовно-правового принуждения преступника за совершение противоправного лишения жизни посредством правового регулирования назначения и исполнения пожизненного лишения свободы, условий и правовых последствий его отбывания в случае освобождения, методологических основ исполнения, а также категорий лиц, к которым может применяться данный вид наказания, и правового статуса осужденных. Вместе с тем, пожизненное лишение свободы является наиболее суровой мерой государственного принуждения в современной российской системе наказаний. Данный вид наказания предполагает функционирование многих государственных структур, влияет на судьбу конкретного осужденного, затрагивает интересы его ближайшего социального окружения, потерпевших от преступлений, а также оказывает влияние на интересы общества в целом.

Краслянская Наталья Васильевна

соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского государственного областного университета
(тел.: +79034469087)

К вопросу об уголовно-правовой характеристике состава кражи

В статье рассматриваются понятие и определение краж. Приводится классификация объектов посягательств на любую форму собственности. Представлена объективная и субъективная сторона вышеуказанных деяний.

Ключевые слова: хищение чужого имущества, изъятие чужого имущества, субъективный критерий, предмет кражи.

N.V. Kraslyanskaya, Post-graduate of a Chair of Criminal and Legal disciplines of the Moscow State Regional University; tel.: +79034469087.

To the question about the criminal and legal characteristic of structure of theft

In the article the concept and definition of thefts are considered. Classification of objects of infringement of any type of property is given. The objective and subjective party of the above acts is presented.

Key words: plunder of someone else's property, withdrawal of someone else's property, subjective criterion, theft subject.

Кража определяется как тайное хищение чужого имущества. Названное определение охватывает посягательства на любые формы собственности и, кроме того, подчеркивает, что имущество является для похитителя чужим. Как и для любой формы хищения, для кражи видовым объектом служат отношения собственности вообще, а непосредственным объектом – отношения конкретной формы собственности, определяемой принадлежностью похищаемого имущества, которое выступает как предмет кражи.

Объективная сторона кражи заключается в тайном хищении чужого имущества. Под хищением мы понимаем тайное ненасильственное изъятие чужого имущества. Вопрос о том, является ли хищение тайным, должен решаться на основании субъективного критерия, т.е. исходя из восприятия ситуации хищения самим виновным. «Как тайное хищение чужого имущества (кражу) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества» [1].

Хищение должно квалифицироваться как кража и в тех случаях, когда собственник или владелец имущества либо другие лица, хотя и наблюдают действия похитителя, но по каким-

то причинам не обнаруживают своего присутствия, а также в тех случаях, когда они видят само событие завладения имуществом, но не осознают его преступного характера. По конструкции состав кражи – материальный, потому что его объективная сторона в качестве обязательного признака включает общественно опасное последствие в виде имущественного ущерба. Кража считается оконченным преступлением с того момента, когда виновный изъяс чужое имущество и получил реальную возможность распорядиться им по своему усмотрению независимо от того, удалось ли ему эту возможность реализовать.

Субъективная сторона кражи характеризуется виной в виде прямого умысла. При этом лицо руководствуется корыстным мотивом и преследует цель незаконного извлечения имущественной выгоды.

Квалифицированные виды кражи (ч. 2 ст. 158 УК РФ) характеризуются ее совершением:

- группой лиц по предварительному сговору;
- с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище;
- с причинением значительного ущерба гражданину;
- из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.

Совершение кражи по предварительному сговору группой лиц (п. «а» ч. 2 ст. 158) означает, что в ней принимают непосредственное участие два или более лица, обладающие признаками субъекта преступления (соисполнители), которые предварительно, т.е. до начала преступления, договорились о совместном его

совершении. «Если организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвовали в совершении хищения чужого имущества, содеянное исполнителем не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору» [1].

Кража с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище предусмотрена в пункте «б» ч. 2 ст. 158.

В УК РФ в отличие от предыдущего этот признак формулируется только как незаконное проникновение в помещение или иное хранилище. Проникновение является незаконным, если осуществляется виновным, не имеющим на это никакого права, и вопреки установленному запрету.

Под проникновением следует понимать тайное или открытое вторжение в жилище потерпевшего, любое помещение или иное хранилище с целью совершения кражи чужого имущества. В любом случае цель кражи обязательно должна предшествовать вторжению. Если лицо находилось в помещении или ином хранилище правомерно, не имея преступного намерения, но затем совершило кражу, ее нельзя квалифицировать как совершенную с проникновением. Проникновение может совершаться с преодолением или разрушением запорных устройств, с преодолением сопротивления людей либо без этих признаков.

Под помещением понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях. Хранилищем признаются хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей.

Проникновением в помещение или иное хранилище должно признаваться не только физическое вторжение виновного, но и извлечение из них имущества с помощью различных приспособлений и орудий.

Кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), означает, что значительный ущерб причинен именно гражданину, т.е. частному лицу. В соответствии с прим. 2 к ст. 158 значительный ущерб следует определять с учетом имущественного положения потерпевшего, но в любом случае он должен составлять не менее 2,5 тыс. рублей [2].

Под кражей из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, подразумеваются так называемые карманные

кражи и любые их аналоги, совершаемые обычно ворами-профессионалами.

Особо квалифицированный состав образует кража, совершенная:

- с незаконным проникновением в жилище;
- из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода;
- в крупном размере.

Под жилищем следует понимать индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания. Проникновение в жилище должно пониматься так же, как и проникновение в помещение или иное хранилище.

Включением любых трубопроводов в понятие хранилища законодатель создал значительную сложность для правоприменителя. Она заключается в том, что кража, например, нефтепродуктов из нефтепровода подпадает под действие пункта «б» ч. 2 (по признаку хищения из хранилища) и одновременно – под действие пункта «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, прямо предусматривающего кражу из нефтепровода. По смыслу закона конкуренция этих специальных норм должна разрешаться в пользу пункта «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, которая предусматривает особо квалифицированный состав кражи. Следовательно, указание на трубопроводы как разновидность хранилища в прим. 3 к ст. 158 УК РФ лишено практического смысла и подлежит исключению.

Размер кражи признается крупным при стоимости похищенного имущества, превышающей 250 тыс. рублей.

Наиболее опасные виды кражи, предусмотренные ч. 4 ст. 158 УК РФ, характеризуются ее совершением:

- организованной группой;
- в особо крупном размере.

Признак совершения кражи организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ) означает, что ее участники объединились в устойчивую группу для совершения нескольких преступлений (не обязательно краж) либо одного, но сложного по исполнению и поэтому требующего серьезной, как правило, длительной организационной подготовки.

При совершении кражи организованной группой действия всех ее участников квалифицируются одинаково – по пункту «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ. Однако ответственность наступает дифференцированно. Лицо, создавшее организованную группу либо руководившее ею, подлежит уголовной ответственности за все совер-

шенные организованной группой преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы несут уголовную ответственность только за те кражи, в подготовке или совершении которых они участвовали.

1. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29.

2. Радченко В.И. Уголовное право. Особенная часть. М., 2009.

Особо крупный размер кражи (как и хищения в любой другой форме), определенный в п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, в соответствии с прим. 4 к данной статье означает, что стоимость похищенного имущества превышает 1 млн. рублей.

1. *About jurisprudence on cases of theft, a robbery and robbery: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002. № 29.*

2. *Radchenko V.I. Criminal law. Special part. M., 2009.*

Рычкалова Лариса Алексеевна

доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583181)

Получение образцов для диагностической экспертизы

Рассматривается проблема отбора образцов для проведения диагностических экспертиз. Уделено внимание методике отбора образцов следователем.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая диагностика, подпись, краткая запись, экспертиза реквизитов документов.

L.A. Rychkalova, Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; тел.: +78612583181.

Obtaining of samples for diagnostic examination

A sampling problem for carrying out diagnostic examinations are examined. The investigator pay the attention to the technique of sampling.

Key words: judicial-handwriting diagnostics, the signature, short record, examination of requisites of documents.

При назначении судебно-почерковедческой экспертизы следователь в первую очередь должен определить непосредственный объект исследования: текст, фрагмент текста, цифровую запись, подпись.

Индивидуализация исследуемого объекта в постановлении о назначении экспертизы обеспечивается путем указания реквизитов документа в целом (наименование, номер и дата исполнения). Если экспертиза рукописного текста назначается в отношении документа, не содержащего реквизитов, указываются начальные и заключительные слова исследуемого текста, число строк, страниц и т.д. При исследовании фрагмента текста (дописки) определяются его полное словесное содержание и место расположения в основном тексте. Если экспертизе подлежит подпись, то в постановлении следует указать фамилию лица, от имени которого она поставлена, и точное ее размещение в документе (строка, графа, предшествующие слова и т.д.) [2, с. 215].

Следователь должен помнить, что недопустимо указывать эксперту на непосредственный объект исследования путем обводки подписи или записи карандашом, делать около них пояснительные надписи и пометки либо вырезать их из документа и наклеивать на отдельные листы бумаги [1, с. 29].

В постановлении о назначении судебно-почерковедческой экспертизы должны быть указаны такие сведения об известных обстоятельствах, имеющих непосредственное отношение к предмету экспертизы, как условия выполнения исследуемого документа, образ-

цов; возраст, состояние исполнителя исследуемого текста (подписи) в момент выполнения и т.д.

Необходимо отметить, что одной из особенностей методики исследования подписей от имени реальных лиц является обязательное решение вопроса о подлинности подписи. Поэтому, если объектом исследования является подпись от имени реального лица, но следствии интересуется, не выполнена ли она другим лицом, при формулировании вопроса должны быть указаны как лицо, от имени которого эта подпись значится, так и другие лица, которые могли ее исполнить.

Факт выполнения исследуемой подписи от имени вымышленного или неустановленного лица обязательно отражается в постановлении о назначении судебной экспертизы либо непосредственно в формулировке вопроса, который ставится только в отношении предполагаемого исполнителя [2, с. 217].

На экспертизу должны быть представлены подлинники исследуемых документов. Это требование обусловлено тем, что по фото-, ксерокопиям и документам, выполненным через копировальную бумагу, невозможно проводить техническое исследование, которое в соответствии с методикой судебно-почерковедческой экспертизы является обязательным этапом исследования подписей для установления, выполнена ли подпись с использованием технических средств. К тому же крайне затруднительно (а в большинстве случаев и невозможно) выявить условия выполнения рукописи. Поэтому представление фотокопий (ксерокопий, светокopies) документов, а также ко-

пий, выполненных через копировальную бумагу, возможно лишь в исключительных случаях. О причинах невозможности представления подлинника документа следует специально указать в постановлении о назначении судебной экспертизы [1, с. 30].

Для качественного производства экспертных исследований необходимы тщательно подготовленные сравнительные материалы надлежащего качества и в соответствующем количестве.

Надлежащее качество образцов – это сопоставимость их по времени написания и виду документа, языку, содержанию, материалу письма, способу выполнения и, если возможно, по условиям выполнения.

Достаточное число образцов – это такой их объем, который обеспечил бы возможность полного и всестороннего сопоставления всех признаков, содержащихся в исследуемом тексте, записи, подписи. Единые рекомендации по числу представляемых образцов дать невозможно. Однако, как правило, образцов почерка должно быть не менее 5–6 и не менее 10 образцов подписи.

Образцы должны соответствовать по времени исполнения. Несмотря на относительную устойчивость письменно-двигательного навыка, почерк лица может значительно изменяться с течением времени. При исследовании рукописей, подписей, выполненных сформировавшимся высоковыработанным почерком, разрыв во времени исполнения исследуемого текста и образцов может быть относительно продолжительным (до 10–15 лет) при условии, что данное лицо не перенесло за указанный период болезней, в результате которых могло наступить изменение признаков почерка (заболевания глаз, руки, психические, нервные и т.п.), и в момент выполнения исследуемого документа не действовали необычные внешние факторы.

При экспертном исследовании рукописей, выполненных с большим разрывом во времени, эксперту должны быть представлены сведения о возрасте, образовании, специальности, письменной практике конкретного лица, перенесенных им заболеваниях, влияющих на почерк, чтобы он смог должным образом оценить установленные в процессе исследования различающиеся признаки почерка.

Разрыв во времени исполнения исследуемых документов, выполненных лицами преклонного возраста, а также имеющими почерк низкой и средней степени выработанности, должен быть минимальным.

Вопрос о возможности проведения экспертизы и дачи заключения без образцов, соответствующих по времени написания исследуемому документу, решает эксперт в каждом конкретном

случае. Следует учесть, что сравнительные образцы почерка должны соответствовать по целевому назначению и содержанию. Эти обстоятельства нередко определяют вариант почерка, применяемый пишущим. При составлении официальных документов человек может писать медленно почерком усложненного строения, а при записывании лекций, составлении конспектов – почерком, приспособленным для быстрого письма. Указанные варианты почерка одного и того же человека характеризуются совокупностью различных признаков. При экспертизе больших по размеру рукописей (например, сочинений, заявлений) целесообразно представление аналогичных сравнительных материалов, что позволит провести сравнительное исследование по признакам письменной речи и признакам, отражающим пространственную ориентацию движений, которые имеют большую идентификационную значимость, нередко оставаясь устойчивыми даже при намеренном искажении почерка.

Очень важно, чтобы образцы были по возможности выполнены одинаковым письменным прибором и на одинаковой бумаге. Влияние вида пишущего прибора и материалов письма на изменение признаков почерка может быть настолько существенным, что установленные при проведении экспертизы различающиеся признаки не позволят эксперту сделать определенный вывод об исполнителе рукописи. Особенно значительными эти изменения могут быть при письме непривычным пишущим прибором, например заостренной палочкой, плакатным пером. В некоторых случаях изменения признаков почерка наблюдаются даже при смене привычной авторучки на карандаш или шариковую ручку.

Когда исследуемый документ выполнен пишущим в необычных условиях (например, в положении стоя или сидя при расположении рукописи на коленях и т.п.), то в качестве свободных образцов почерка, подписи желательно иметь документы, выполненные в аналогичных условиях.

Следует учитывать, что при резком замедлении или ускорении темпа письма лицо может переходить на новый вариант почерка, при этом не исключено изменение строения почерка в целом, в простых и усложненных почерках под влиянием очень быстрого темпа письма могут появиться элементы упрощения.

Если исследуемый документ исполнен с подражанием какому-либо шрифту (например, чертежному) или написан левой рукой (при обычном письме правой рукой), можно рекомендовать попытаться разыскать свободные образцы, выполненные тем же способом. Проведение экспертизы без соответствующих образцов почерка

возможно в крайне редких случаях, если в исследуемой рукописи, например выполненной с подражанием печатному шрифту в быстром темпе, проявилось большое количество признаков скорописного почерка [1, с. 40].

Необходимость в свободных образцах почерка, выполненных той же рукой, возникает, как правило, когда на исследование поступают рукописи, выполненные левой рукой. Если человек привычно пишет левой рукой, то подбор свободных образцов почерка производится по общим правилам.

Если к письму левой рукой пишущий прибегает как к средству изменения своего почерка, то в исследуемой рукописи при отсутствии

навыка такого письма обычно обращает на себя внимание резкая деформация внешнего вида букв и знаков, а именно: зеркальность (это признак почерка, заключающийся в изменении обычного направления движений на противоположное при выполнении письменного знака в целом или его части, в результате чего письменный знак либо его элемент выглядит как отраженный в зеркале); разностороннее положение продольных осей букв; ярко выраженные изломы штрихов, особенно в овалах и закругленных элементах букв; неустойчивость общих признаков почерка, неравномерные размеры письменных знаков, различие одноименных букв по строению и т.д.

1. Бакин Е.А. Судебные экспертизы на стадии досудебного уголовного судопроизводства: методическое пособие Генеральной Прокуратуры РФ. М., 2003.

2. Руководство для экспертов органов внутренних дел и юстиции / под ред. Т.В. Аверьяновой. М., 2003.

1. Bakin E.A. Forensic examinations at a stage of pre-judicial criminal legal proceedings. Methodical grant of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. M., 2003.

2. The management for experts of law-enforcement bodies and justice / ed. by T.V. Averyanova. M., 2003.

Голяндин Николай Петрович
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института
повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала)
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: gnp-57@yandex.ru)

Горячев Александр Викторович
старший преподаватель кафедры организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России,
(e-mail: gav-home@yandex.ru)

Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации

В статье на основе анализа деятельности экстремистских и террористических групп выделяются порядок привлечения и характерные методы, применяемые вербовщиками для вовлечения новых членов в противоправную деятельность.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, вербовка, мотивация, этапы вовлечения, противоправная деятельность, Северный Кавказ, Интернет, религия.

N.P. Golyandin, Master of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Special Subjects of the North Caucasian Advanced Training Institute for the Personnel of the Ministry of the Interior of Russia (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: gnp-57@yandex.ru.

A.V. Goryachev, Senior Teacher of a Chair of Operative and Detective Activity of the Academy of management the Ministry of the Interior of Russia Federation; e-mail: gav-home@yandex.ru.

Motivation for recruitment in extremist and terrorist organizations

In the article on the basis of analysis of extremist and terrorist groups singled out by order of characteristic inclusion and methods applied by recruiters to involve new members in illegal activities.

Key words: extremism, terrorism, recruitment, motivation, stages of engagement, illegal activities, the Northern Caucasus, the Internet, religion.

Реальной угрозой безопасности нашего общества на современном этапе стал экстремизм в различных проявлениях. Проблема экстремизма в России в современный период заставляет обратить на себя внимание государства и общества, поскольку это социальное явление оказывает значительное влияние и на геополитическое положение России, и на ее авторитет на международной арене.

Особую опасность несет в себе экстремизм в этнонациональной и религиозной сферах. Хотя, как отмечается в специальной литературе, в России нет столь сильного распространения религиозного экстремизма, как, например, в Японии и Индии, или откровенно антииммигрантских экстремистских групп, как, например, в Германии или Швеции, в то же время, наблюдается активизация деятельности экстремистских и террористических организаций с псевдорелигиозной мотивацией [8].

Как показали анализ практики деятельности правоохранительных органов и результаты проведенных нами исследований, вовлечение

в деятельность экстремистских и террористических организаций на территории Северного Кавказа осуществляется разнообразными методами, основанными как на традиционных приемах воздействия на человека, так и на использовании современных информационных технологий. Например, в последнее время достаточно активно стала проводиться вербовка через Интернет и различные социальные сети. Именно такие свойства Интернета, как анонимность и охват большой аудитории без надлежащего контроля со стороны общества, позволяют различным группам по интересам независимо от их местожительства достаточно бесконтрольно и скрытно общаться. При этом, как справедливо отмечает профессор И.Ю. Сундиев, информационные технологии дают экстремистским и террористическим организациям «глобальную силу и размах без неизбежного обнаружения». Поскольку, отказавшись от физического места для встреч и организации, многие экстремистские и террористические группы создали виртуальные сообщества посредством чатов и сайтов для

продолжения распространения своей пропаганды, учебы и тренировок [7, с. 6–11].

Вербовка в сетевые сообщества экстремистской направленности стала проводиться в виде онлайн-рекрутинга, т.е. специально разработанной системы мер по выявлению и привлечению в различных группах людей интересующихся лиц к активной поддержке взглядов и действий членов экстремистских и террористических организаций.

На начальном этапе зашедшего на сайт или форум посетителя пытаются втянуть в дискуссию, независимо от того, поддерживает или отрицает он взгляды держателей сайта. Это дает вербовщикам возможность повысить как уровень обсуждаемости и общей привлекательности, так и реальной поддержки.

В результате многоэтапных вербовочных бесед и проверок на лояльность потенциальный кандидат направляется на другой чат для дальнейшей проверки и в конечном счете для установления контакта с членами экстремистской группы и участия в их деятельности.

Новым тактическим способом вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность с помощью Интернета являются разработка и внедрение таких онлайн-сетевых компьютерных игр, как «Большая Игра. Сломай систему», «Сокол. Мир после расовой войны» и т.п.

Так, решением Советского суда г. Липецка от 20 ноября 2009 г. материалы «Большая игра. Сломай систему», размещенные в сети Интернет, были признаны экстремистскими, а ее создатель Антон Мухачев (он же – организатор экстремистского общества «Северное братство») в сентябре 2011 г. Савеловским судом г. Москвы был признан виновным по ст. 282 (организация экстремистского сообщества), 159 (мошенничество) УК РФ и осужден к 9 годам лишения свободы,

Главная идея подобных интернет-игр, как правило, декларируется на официальном сайте. Например, в задачи участников входило проведение «Большой игры» путем вербовки большого числа участников диверсий против существующего в России режима, все акции проводились в форме игрового взаимодействия.

У каждого игрока имеется возможность подобрать «под себя» любую форму «борьбы с системой»: доступны персонажи от «уличного бойца» до «интернет-бойца». При этом для каждого уровня предполагается выполнение заданий разной категории сложности. Выполняя эти задания в реальной жизни, каждый игрок-геймер по мере составления отчетов повышает свой игровой уровень. С достижением нового уровня возрастают сложность и опасность задания в

реальной жизни. Причем анализ заданий подобных интернет-игр свидетельствует, что они ориентированы прежде всего на молодежную аудиторию, где часто геймеры теряют грань между реальной (внесетевой, офлайн) и виртуальной, (внутрисетевой, онлайн) жизнью [5, с. 16–17].

С помощью подобных интернет-игр достигается стирание грани между игрой и реальностью в сознании игроков-геймеров; насилие для них превращается в единственный способ решения жизненных вопросов.

Прививая пользователям экстремистские взгляды, в том числе на псевдорелигиозной основе, разработчики подобных сайтов предлагают и разнообразную практическую информацию, в частности о том, как себя вести в социальной среде и с сотрудниками правоохранительных органов, каким образом можно добраться до зон конфликта на этнорелигиозной почве, чтобы принять участие в джихаде, как изготовить взрывное устройство и осуществить теракт и т.п.

Наиболее перспективными, на взгляд экстремистов, являются советы по методикам проведения хакерских атак на различные информационные ресурсы, прежде всего принадлежащие государственным ведомствам. Специалисты отмечают, что эта информация более действительна, чем, например, инструкции по изготовлению бомб, поскольку Интернет есть одновременно сфера деятельности и инструмент хакеров [9]. По словам профессора Евгена Спаффорда, Интернет на сегодняшний день можно рассматривать как «всемирный виртуальный тренировочный лагерь» [6].

Вместе с тем, независимо от используемых приемов и технологий воздействия вербовщиками используется ряд последовательных действий, которые в целом могут быть сгруппированы в три блока.

1. Подготовительный, в процессе которого осуществляются выявление потенциального кандидата, сбор и оценка информации о нем, разработка организационно-тактических методик вовлечения его в деятельность организации.

2. Непосредственный процесс вербовки, включающий в себя проведение ознакомительных и вербовочных бесед, привлечение к исполнению отдельных акций, а также проведение проверочных мероприятий на надежность кандидата.

3. Последующее удержание кандидата в организации с использованием различных методов психологического и физического воздействия.

Не вдаваясь в детальные подробности описания каждого из выделенных этапов, необходимо отметить следующее:

вовлечение (индокринаяция) новых субъектов в деятельность по своим механизмам полностью совпадает с технологиями вербовки в секты [9];

вовлечение основано на деструктивных психотехниках;

вовлечение в экстремистскую деятельность представляет собой технологическую цепочку воздействия на сознание субъекта, например, вовлечение новых адептов в религиозные секты в большинстве случаев является первоначальным этапом вербовки в экстремистско-террористическую деятельность.

Из числа методов идеологической работы в экстремистских организациях чаще всего используются: проповеди на собраниях адептов и обучение «правильной» вере неопитов; проведение массовых мероприятий, рассчитанных на мобилизационный эффект (похороны, митинги, протесты, флэш-акции); проведение пропагандисткой деятельности через религиозно настроенных преподавателей светских и религиозных учебных заведений; миссионерская пропаганда и прозелитизм среди иноязычного населения.

В тех случаях, когда вербовщик не располагает достаточным временем на тщательную подготовку, используются наработанные схемы, включающие в себя несколько наиболее эффективных психологических методик вербовки, например, лозунги, популярные среди населения (социальные, антикриминальные, антиглобалистские, националистические и т.п.) с последующим выражением заботы о благополучии объекта, пониманием и поддержкой его потребностей, целей, надежд и т.п.

На основании проведенных исследований из большого ряда побуждающих действий к вступлению в контакт кандидата с членом экстремистской или террористической организации к наиболее часто используемым мотивациям следует отнести:

потребность в доминировании, связанную с нереализованной возможностью занятия позиций лидерства в своей социальной среде;

потребность во внутреннем комфорте (безопасности);

потребность в подтверждении собственной позиции;

потребность в сочувствии и понимании;

потребность с помощью организации преодолеть давление со стороны других лиц (физическое, экономическое, политическое);

желание сотрудничества в разрешении «мировых» и «глобальных» проблем, стоящих перед обществом.

Точная конкретика мотиваций зависит от жизненных ситуаций человека и психологических свойств его личности.

Очень часто экстремистские организации (даже не отождествляющие себя с конкретной конфессией) в своей деятельности для привлечения внимания сочувствующих в своей идеологической работе практикуют использование псевдорелигиозных мотиваций и лозунгов. Итогом такой деятельности является вовлечение новых рекрутов.

Например, при идеологической обработке кандидатов в состав незаконных вооруженных формирований с псевдоисламской мотивацией упор делается на внедрение в их сознание идеи самопожертвования. Особо сильным аргументом в психологическом воздействии становятся ссылки на Коран. В частности, как показали исследования, наиболее активно используются положения четвертой суры ан-Ниса – «Женщины», в которой имеется обещание Бога сразу же, до наступления судного дня, ввести в рай тех, кто будет убит, сражаясь на Пути Господнем [2]. При истолковании этой суры идеологические наставники особенно акцентируют внимание на том, что «жертва приносится во имя того, чтобы разрушить окружающий нечестивый, погрязший в грехе и мерзости мир и вместо него построить мир иной, живущий по законам Аллаха и потому лучший и справедливый» [3]. Вступая в борьбу за это, согласно пояснению вербовщиков, приверженец доктрины спасает не только свою душу, но и свой народ, поскольку, как явствует из Корана, терпение Бога не безгранично, и он не раз уничтожал нации, не выполнявшие его предписания [2, с. 7, 59–102; 11, 25–95; 17, 15–17; 21, 11–15].

Одновременно с этим в сознание вербуемого внедряется ощущение его принадлежности к закрытому обществу, которое призвано изменить ход истории, или братству, стремящемуся к достижению богоугодной, т.е. законной и благородной цели. При этом постоянно прививается представление о необходимости беспрекословного подчинения возглавляющему группу эмиру. Результатом подобной «обработки» становится появление боевика-смертника, готового без колебаний взорвать себя в толпе людей, захватить больницу с роженицами, взять в заложники грудных и малолетних детей, въехать на набитом взрывчаткой автомобиле во двор правоохранительного органа, хладнокровно расстрелять туристов, привести в действие взрывное устройство в самолете или на железнодорожных путях.

Следует также отметить, что эмиссарами экстремистских групп достаточно активно используются различные личностные, психологические, социальные и иные качества условий жизни отдельно взятого индивида, ставшего в связи с определенными обстоятельствами «мишенью» вербовщика. При этом следует

иметь в виду, что случайных людей среди вербуемых нет. Как показывает практика деятельности правоохранительных органов, вовлечение в экстремистские организации часто осуществляется путем использования наработанных связей членов организации с людьми, вступающими с ними в различные взаимоотношения. Приток «свежей крови» обеспечивается многообразием дружеских, родственных, идеологических, религиозных связей между членами организаций и обычными гражданами. В большинстве изученных нами случаев вовлечение в экстремистскую организацию происходит путем использования «вербовщиками» не столько идеологии и религиозных канонов, сколько именно дружественно-родственных отношений. Немаловажную роль играет также и авторитет лидеров экстремистских организаций среди радикально настроенных слоев населения (молодежи, приверженцев радикальных религиозных течений, оппозиционных партий и т.п.). Как справедливо отмечает

Р.Х. Дашаев, «культивация отдельных личностей, легендаризация и идеализация их преступных деяний играет огромную роль в становлении молодежи на террористическую стезю» [1, с. 288].

Завершая рассмотрение достаточно сложной темы, хотелось бы отметить, что идеологами экстремизма разработана продуманная и успешно применяющаяся методика пропагандистской работы. Поскольку речь идет о внедрении в сознание людей определенных идеологических установок, покончить с экстремистской пропагандой с помощью одних лишь репрессивных мер невозможно. Религиозно-возрожденческой идеологии должна быть противопоставлена иная идеология. На такую роль могла бы, как представляется, прежде всего претендовать совместная деятельность государственных, общественных и религиозных организаций, направленная на воспитание у каждого гражданина нашей страны общечеловеческих морально-нравственных качеств.

1. Дашаев Р.Х. Портрет личности участника современной религиозной террористической деятельности // *Черные дыры в Российской законодательстве*. 2007. № 6.

2. Конвей М. Использование террористами сети Интернет и борьба с этим явлением // *Владивостокский центр исследования организованной преступности*. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1008&print=1&more=1>

3. Коран / пер. с араб. И.Ю. Крачковского. М., 1990.

4. Подцероб А.Б. Исламистские организации: методы пропагандистско-идеологической работы // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/11-08-08.htm>

5. Сундиев И.Ю. Информационные технологии в экстремистской деятельности молодежных объединений // *Научный портал МВД России*. 2010. № 10.

6. Сундиев И.Ю. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса // *Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции*. URL: http://sartracc.ru/i.php?filename=pub_11.htm&oper=read_file

7. Тишков В.А. Стратегия противодействия экстремизму // *Бюллетень «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов»*, 1999. № 23.

8. Трофимов В.Д. Экстремизм. URL: <http://ttrfimov.ru/2011/07/ekstremizm/>

9. URL: <http://www.russigra.org>

1. Dashayev R.H. Portrait of the identity of the participant modern religious terrorist deyatelnosti // *Black holes in the Russian Legislation*, 2007. № 6.

2. Conway M. Use by terrorists of a network Internet and fight against this phenomenon // *Vladivostok center of research of organized crime*. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1008&print=1&more=1>

3. Koran / transl. from the Arab. By I.Yu. Krachkovskiy. M., 1990.

4. Podtserob A.B. Islamistskiye organizations: Methods of propaganda and ideological work // *Institute of the Middle East*. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/11-08-08.htm>

5. Sundiyev I.Yu. Information technologies in extremist activity of youth associations // *Scientific portal of the Ministry of the Interior of Russia*, 2010. № 10.

6. Sundiyev I.Yu. Cognitive technologies: dark side of progress // *Saratov Center for research of problems of organized crime and corruption*. URL: http://sartracc.ru/i.php?filename=pub_11.htm&oper=read_file

7. Tishkov V.A. Counteraction strategy ekstremizm // *Bulletin of «Networks of Ethnological Monitoring and Early Prevention of the Conflicts»*, 1999. № 23.

8. Trofimov V.D. Extremism. URL: <http://ttrfimov.ru/2011/07/ekstremizm/>

9. URL: <http://www.russigra.org>

Техов Дмитрий Николаевич
 адъюнкт кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +79054143375)

Правовые проблемы осмотра места совершения административного правонарушения

В статье рассмотрены некоторые правовые и процессуальные аспекты, связанные с процедурой осмотра места совершения административного правонарушения и составления протокола осмотра места совершения административного правонарушения. Выявлены проблемы нормативно-правового регулирования данного вида административно-процессуальной деятельности. Исследован опыт законодательного регулирования рассматриваемой проблемы в административном законодательстве стран СНГ (на примере Казахстана и Белоруссии)

Ключевые слова: осмотр места совершения административного правонарушения, протокол осмотра места совершения административного правонарушения, производство по делу об административном правонарушении.

D.N. Tekhov, Adjunct of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79054143375.

Legal problems of survey of a place of commission of an administrative offense

In the article some legal and procedural aspects connected with procedure of survey of a place of commission of an administrative offense and drawing up the protocol of survey of a place of commission of an administrative offense are considered. Problems of standard and legal regulation of this type of administrative and procedural activity are revealed. Experience of legislative regulation of a considered problem in the administrative legislation of CIS countries (on the example of Kazakhstan and Belarus) is investigated.

Key words: survey of a place of commission of an administrative offense, protocol of survey of a place of commission of an administrative offense, a case concerning an administrative offense.

Динамика изменения и развития общественных отношений в условиях современной российской действительности сопровождается заметными отклонениями в соблюдении, исполнении и использовании норм административного законодательства. В связи с этим правотворческий процесс должен обладать комплексным содержанием, затрагивающим не только расширение сферы административно-юрисдикционной защиты общественных отношений, усилением административной ответственности, но и совершенствованием административно-процессуальной сферы.

Важным этапом в этой деятельности явилось внесение изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях, в результате которых была введена ст. 28.1.1. «Протокол осмотра места совершения административного правонарушения» [3]. Следуя логике законодателя, указанная процессуальная норма имеет своей целью обнаружение следов правонарушения, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для производства по делу, закрепление доказательств в соответ-

ствующем протоколе в ходе осуществления осмотра места совершения административного правонарушения. Однако введение рассматриваемой административно-процессуальной нормы породило научную дискуссию по целому ряду проблем.

Отсутствие подробной административно-процессуальной нормы создавало серьезные проблемы при реализации Госавтоинспекцией функции по осуществлению неотложных действий на месте дорожно-транспортного происшествия [4, с. 5]. Видимо, в силу этих причин процессуальная норма, регламентирующая процедуру проведения осмотра места совершения административного правонарушения, предусмотрена только для двух составов административных правонарушений (ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ) и не может применяться в случае совершения правонарушений, предусмотренных другими статьями КоАП РФ.

Однако исследование показало, что существует необходимость применения подобного процессуального действия как важного источника доказательств при составлении процессуальных документов по другим составам право-

нарушений. Ряд авторов отмечают эту проблему в своих научных трудах.

Так, Е.А. Пятикова в своей диссертации констатирует, что «осмотр места совершения административного правонарушения достаточно часто используется таможенными органами в процессе доказывания вины нарушителя таможенных правил. Например, в случае совершения действий, непосредственно направленных на фактическое пересечение таможенной границы Российской Федерации товарами и (или) транспортными средствами при их убытии с таможенной территории Российской Федерации, помимо пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации либо иных мест, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации о Государственной границе Российской Федерации, что предусмотрено ч. 1 ст. 16.1 КоАП РФ. Кроме того, данное процессуальное действие, по нашему мнению, могло бы при надлежащем его законодательном регулировании достаточно эффективно использоваться и по другим составам административных правонарушений в области таможенного дела» [7, с. 119].

По тем же причинам применение указанной правовой нормы не представляется возможным при производстве по делам о мелком хищении, считает О.Ю. Филиппов [10, с. 112].

Такого же мнения придерживается и К.В. Ребец, который считает, что «необходимость в проведении осмотра мест совершения административных правонарушений возникает не только при совершении двух указанных в ч. 1 ст. 28.1.1 КоАП РФ правонарушений, но и, в частности, при установлении нарушений правил обращения с отходами производства и потребления (ст. 8.2 КоАП РФ), использования лесов (ст. 8.25–8.28 КоАП РФ), содержания и ремонта дорог, дорожных сооружений, железнодорожных переездов (ст. 12.33–12.34 КоАП РФ), хранения оружия и патронов к нему (ст. 20.8 КоАП РФ) и некоторых других» [8, с. 119].

Таким образом, если бы перечень составов административных правонарушений, указанных в ст. 28.1.1 КоАП РФ, не был исчерпывающим, это дало бы возможность проведения осмотра места совершения любого административного правонарушения, а протокол осмотра места совершения административного правонарушения мог бы стать одним из важнейших источников доказательств по многим делам об административных правонарушениях.

Следующая проблема связана с правовой регламентацией проведения осмотра места совершения правонарушения как процессуального действия. Так, в диспозициях правовых

норм ст. 28.1.1 КоАП РФ законодатель использует термин «протокол осмотра места совершения административного правонарушения», т.е. ведет речь о процессуальном документе. Однако в ч. 3 указанной статьи, где определяется подведомственность, применяется уже другой термин – «осмотр места совершения административного правонарушения». В данном случае речь уже идет о выполнении лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, неких процессуальных действий, правовая регламентация которых в Кодексе отсутствует. Каковы их цель и задачи, порядок и объем выполняемых действий – закон, к сожалению, не устанавливает.

Таким образом, ч. 3 ст. 28.1.1. КоАП РФ предусматривает проведение уполномоченными лицами процессуального действия в виде осмотра места совершения административного правонарушения, которое не имеет дальнейшей правовой регламентации ни в КоАП РФ, ни в других подзаконных актах. Считаем, что данный правовой пробел требует внимания и научного обоснования.

В научной литературе имеются публикации, авторы которых предлагают собственные варианты решения рассматриваемых проблем. Так, Н.С. Семенов предлагает расширить список мер обеспечения производства путем включения такой меры принуждения, как осмотр. Предлагаемое процессуальное действие он определяет как «непосредственное обнаружение и исследование объектов, имеющих значение для правильного разрешения административного дела, их признаков, свойств, состояний и взаиморасположения в целях обнаружения следов правонарушения, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела, а также их процессуальная фиксация...» [9, с. 258]. Соглашаясь в целом с предложениями автора, следует высказать ряд замечаний.

1. В определении не раскрывается понятие «объекта», его физической природы (участка местности, предметов, документов и т.д.); не указано, может ли в качестве объекта выступать живой человек.

2. Определяя цель осмотра как «обнаружение следов правонарушения, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела, а также их процессуальная фиксация...», автор увязывает это с «правильным разрешением административного дела», т.е. рассматривает важность данного процессуального действия на стадии рассмотрения дела. Однако, по нашему мнению, осмотр как процессуальное действие, цель которого заключается в выявлении и фиксации следов административ-

ного правонарушения, иных материальных объектов, особое значение имеет и на стадии возбуждения дела, для составления протокола об административном правонарушении. Это процессуальное действие могло бы стать универсальным эффективным механизмом выявления и фиксации следов административного правонарушения. Так, например, в случае выявления административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.9 КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача», было бы возможно провести осмотр физического лица для обнаружения следов от инъекций на теле. В случае выявления факта незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст. 10.5.1), – осмотр помещений или местности, независимо от формы их собственности.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что в действующей редакции ст. 27.1 КоАП РФ, определяющей цели применения мер обеспечения производства, такая цель, как выявление следов административного правонарушения, иных материальных объектов, а также обстоятельств, имеющих значение для составления протокола об административном правонарушении, отсутствует.

3. Считаю целесообразным законодательно закрепить момент начала производства рассматриваемого процессуального действия либо его сроки.

4. В предлагаемой редакции не предусматриваются исключительные условия проведения осмотра, когда отсутствует возможность привлечь понятых. Такие ситуации возможны при производстве осмотра в труднодоступной, малонаселенной местности, возникновении опасности угрозы для жизни и здоровья людей и т.д. В данном случае считаю возможным применить аналогию положений ст. 170 УПК РФ, которая дает возможность проводить следственные действия без участия понятых.

Более широкий взгляд на рассматриваемую проблему позволяет выделить еще один немаловажный, на наш взгляд, аспект. Так, при проведении расследования по фактам дорожно-транспортных происшествий, связанных в первую очередь с наездами на пешеходов, для установления степени вины водителя транспортного средства необходимо выяснить, имел ли водитель транспортного средства техническую возможность избежать наезда на пешехода, если бы применил экстренное торможение в момент возникновения опасности или обнаружения опасности в зоне видимости. Ответ на данный вопрос возможно получить только путем назначения соответствующей автотехнической

экспертизы, для проведения которой эксперту необходимо указать среди прочих исходных данных, с какого момента возникла опасность для движения, а следовательно, путь пешехода, время движения, направление движения (под углом к осевой линии), время на остановку (если она была) пешехода при переходе дороги [1, с. 34, 73–75].

Однако, как часто бывает, к моменту прибытия на место дорожно-транспортного происшествия следственно-оперативной группы пострадавшие в нем участники дорожного движения отправлены в медицинские учреждения и не имеют возможности принимать участия в осмотре. Таким образом, указанные выше исходные данные следователь, осуществляющий расследование в рамках возбужденного уголовного дела, имеет возможность установить путем проведения в соответствии со ст. 181 УПК РФ следственного эксперимента, который заключается в воспроизведении действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов. Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц.

К сожалению, установить законным образом указанные исходные данные при производстве по делам об административных правонарушениях не представляется возможным, так как КоАП РФ не предусматривает аналогичного УПК РФ процессуального действия, а содержание и форма протокола осмотра места совершения административного правонарушения, утвержденного приложением № 18 к Административному регламенту Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, документирования такой информации не предполагают [5, с. 9–10].

Изучение зарубежного опыта правового регулирования процедуры осмотра места совершения административного правонарушения показывает различный подход к решению рассматриваемой проблемы. Анализ административного законодательства ряда стран СНГ (Казахстана, Беларуси) подтверждает необходимость введения подобной процессуальной нормы. Так, ст. 627-1, внесенной в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях в 2004 г., предусмотрена процедура осмотра [2, с. 327].

Ее цель – выявление следов административного правонарушения, иных материальных объектов, а также обстоятельств, имеющих значение для составления протокола об административном правонарушении. Уполномоченным должностным лицом, в пределах возложенных полномочий, может быть произведен осмотр местности, предметов, документов, живых лиц. Рассматриваемая административно-процессуальная норма отнесена законодателем к мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении. В ст. 627-2 регламентируется подробный порядок применения данной меры.

Главой 6 «Предмет доказывания. Доказательства. Оценка доказательств» Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-3 предусмотрена ст. 6.10. «Протокол процессуального действия», которая устанавливает протокол процессуального действия как документ, составленный должностным лицом органа, ведущего административный процесс, в порядке, установленном Кодексом, удостоверяющий обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, административном задержании физического лица, изъятии вещей и документов, а также составленные в установленном порядке протокол опроса, протокол судебного заседания или протокол заседания коллегиального органа [6, с. 48]. Статьей 10.13 «Осмотр» указанного Кодекса установлены основания и порядок проведения осмотра места совершения административного правонарушения, помещения, жилища и иного законного владения, предметов и документов с целью обнаружения следов административного правонарушения, иных материальных объектов, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела об административном правонарушении [10, с. 67].

Принципиальное отличие процедуры осмотра в законодательствах двух стран состоит в различной процессуально-правовой природе этого

явления. В первом случае законодатель относит рассматриваемое процессуальное действие к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, которое осуществляется в рамках возбужденного дела об административном правонарушении. Во втором случае составление протокола осмотра, отнесенного к протоколу о процессуальном действии, характеризует начало первой стадии производства – стадии возбуждения дела об административном правонарушении.

Таким образом, можно сделать вывод, что в науке административного права не сформировано единое мнение о месте и роли протокола осмотра места совершения административного правонарушения в производстве по делам об административных правонарушениях, его процессуально-правовой природе. Проблемы правового регулирования осмотра места совершения административного правонарушения, а также административно-правовые и организационно-тактические основы проведения осмотра места совершения административного правонарушения до настоящего времени остаются предметом научных дискуссий.

Существующие проблемы объясняются недостаточностью исследования данного вида доказательств и влекут за собой противоречивую позицию как законодателя, так и правоприменительных органов при решении вопросов, связанных с использованием протокола осмотра места совершения административного правонарушения.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о несовершенстве административного законодательства в части применения процедуры осмотра места совершения административного правонарушения и фиксации его результатов в соответствующем протоколе, необходимости более глубокого и всестороннего изучения целого комплекса вопросов рассматриваемой проблемы.

1. Илларионов В.А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий: учеб. для вузов. М., 1989.

2. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021682

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 11.06.2013) // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru>

4. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения: указ Президента РФ от 15 июня 1998 г. № 711 (ред. от 01.06.2013). Рос. газ. 1998. № 116.

1. Illarionov V.A. Examination of road-traffic accidents. М., 2001.

2. The code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021682

3. The code of the Russian Federation about administrative offenses Federation from 18 Dec. 2001 № 195-FL (as amended on 11.06.2013) // HLS «ConsultantPlus» URL: <http://www.consultant.ru>

4. About additional measures for traffic safety: decree of the President of the Russian Federation from 15 June 1998 № 711 (as amended on 01.06.2013) // Rus. newsp. 2006. № 116.

5. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185.

6. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (с изм. и доп. от 20 апр. 2012 г.). Минск, 2012.

7. Пятикова Е.А. Административное расследование по делам о нарушениях таможенных правил: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

8. Ребец К.В. Документы как источники доказательств по делу об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.

9. Семенов Н.С. О некоторых проблемах применения административного принуждения в целях обеспечения безопасности дорожного движения // *Общество и право*, 2010. № 1.

10. Филиппов О.Ю. Производство милиции по делам о мелком хищении: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.

5. About the approval of Administrative regulations of the Ministry of the Interior of Russia of execution of the state function on control and supervision of observance by participants of traffic of requirements in the field of traffic safety: order of the Minister of the Interior of Russia from 2 March 2009. № 185 // HLS «ConsultantPlus» URL:<http://www.consultant.ru>

6. Procedural and executive code of Republic of Belarus about administrative offenses (as amended on 20.04.2013). Minsk, 2012.

7. Pyatikova E.A. Administrative investigation on cases of violations of customs rules: dis. ... Master of law. M., 2009.

8. Rebets K.V. Documents as sources of information on the case of an administrative offense: dis. ... Master of law. Omsk, 2009.

9. Semenov N.S. About some problems of application of administrative coercion for traffic safety // *Society and right*, 2010. № 1.

10. Filippov O.Y. Investigation by militia of affairs on petty theft: dis. ... Master of law. Omsk, 2008.

Скутин Антон Сергеевич

аспирант кафедры философии
Тюменского государственного нефтегазового университета
(e-mail: a_s_skutin@mail.ru)

Шабатура Любовь Николаевна

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии
Тюменского государственного нефтегазового университета
(e-mail: shabatura@tsogu.ru)

Феноменология этического в социокультурном универсуме

Исследуется вопрос о сущности этического, непроясненность которого является одним из катализаторов социокультурного хаоса, многочисленных противоречий нравственного плюрализма, абсолютизма и релятивизма в социокультурном универсуме. Предлагается решение проблемы сущности этического в рамках трансцендентально-феноменологического метода преобразования сознания, благодаря которому в числе прочих вопросов разрешается проблема ментально-праксиологического несоответствия «должного» (трансцендентального) и «сущего» (реального).

Ключевые слова: феноменология, этика, сущность этического, социокультурный универсум, кризис, трансцендентально-феноменологическая редукция, чистое сознание, intersубъективность, жизненный мир, чистая коммуникативность.

A.S. Skutin, Post-graduate of Chair of Philosophy of the Tyumen State Oil and Gas University; e-mail: a_s_skutin@mail.ru.

L.N. Shabatura, Professor, Doctor of Philosophy, Head of a Chair of Philosophy of the Tyumen State Oil and Gas University; e-mail: shabatura@tsogu.ru.

Phenomenology of ethical in the socio-cultural universe

The article is devoted to the essence of ethical which is quite unclear and thus constitutes one of the catalysts of the socio-cultural chaos, numerous contradictions, moral pluralism, absolutism and relativism in the socio-cultural universe. The article provides a solution to the problem of the essence of «ethical» in the framework of the transcendental phenomenological method of consciousness transformation. Along with other problems, this method allows to deal with the mental praxeological discrepancy between «proper», or transcendental, and «real».

Key words: phenomenology, ethics, ethical essence, socio-cultural universe, crisis, transcendental-phenomenological reduction, pure consciousness, intersubjectivity, the life-world, pure communicativeness.

Проблема сущности этического уходит своими корнями в анналы истории человеческой цивилизации. Ее актуализация всегда указывала на наличие и поиск некой внутренней позиции, занимаемой человеком в отношениях с мирозданием. Внутренняя расположенность предполагала живую устремленность к Истине, Ее этическим началам в их вне-научной основоположенности, и неподдельное желание пробуждения связанной с Ней демиургической сущности человека, личности созидающей в реальности жизненного мира и ей гармонирующей. В этом ключе во все времена мудрец-демиург-философ являлся носителем и хранителем аподиктического знания и всего переживаемого в связи с ним как непосредственной сущностью этического. Благодаря этому ориентирующая на аподиктические отношения в жизненном мире постепенно структурируемая

этическая наука заняла место животворящего ядра философского знания, т. е. выступила в качестве науки, нацеленной на пробуждение трансцендентально-демиургического «его», которое переживает сущности универсально-аподиктического «должного» и на этой живой и мудрой основе творчески преобразует окружающее его «сущее». Тем самым этика как смысловой центр философии стремится помочь занять позицию, в которой реально возможно реализовать изначально заложенный в личности колоссальный духовный потенциал и воплотить «должное» (сущность) в «сущем» (факт).

На достижение представленных ориентиров исконной этической науки провоцирует обозначенная в заглавии работы проблема сущности этического в социокультурном универсуме. В динамике всей этико-философской ретроспективы всегда существовал диссонанс мнений в

отношении решения данного вопроса. Из-за нерешенности проблемы сущности этического необоснованно возводить в аподиктический статус фундаментальные постулаты многочисленных натуралистических и абсолютистских учений об этическом релятивизме и абсолютизме. В результате этика «растрчивает свою фундаментальность, теряя философичность» [9, с. 4].

Если принимать во внимание определение культуры выдающегося гуманиста XX в. А. Швейцера о том, что она суть «взаимодействии оптимистического мировоззрения и этики» [2, с. 9], становится очевидным, что за непониманием и отсутствием аподиктической обоснованности сущности этического следует автоматическое включение пускового механизма катализаторов социокультурного хаоса и самоуничтожение культуры. Та же проблема возникает в многочисленных обоснованиях мировоззренческого плюрализма в социокультурном универсуме [11, с. 33–81, с. 521–539].

Фактически проблема непроясненности аксиоматических начал рационалистических систем науки, философии и религии уже несколько столетий назад предзнаменовала кризис чувственной социокультурной установки западноевропейской цивилизации [11, с. 880–887]. В современную эпоху в гонке за выживание человечество пренебрежительно продолжает растрчивать ресурс энергии неэгоистической творческой любви (агапэ) как «объединяющей, интегрирующей и гармонизирующей силы» [12, с. 135], ресурс сострадания, синергии и созидания. В общественном сознании укоренился стереотип человека, культура и сознание которого материалистичны и механистичны. Общечеловеческие каноны истины, справедливости и добра становятся относительными. Все духовное, сверхчувственное или идеалистическое высмеивается, заменяется унижающими интерпретациями, невежество оценивает мудрость. Человек живет моментом дня сегодняшнего, в котором этика любви и абсолютных принципов сдала все позиции примату этики гедонизма, утилитаризма, эвдемонизма. Темпорализм господствует над этернализмом. На пьедестал выходит танатософия нигилизма и постмодернизма. Онтологический нигилизм в своей логической завершенности «аннигилирует традиционную проблематику онтологии, различными способами отождествляя бытие и ничто» [6, с. 19–20], децентрирует любое логоцентрическое понятие об истоке-первоначале. Все это сопровождается деонтологизацией социального бытия, закономерно приводит к «нарушению социальной целостности, к появлению бессвязного социального дискурса, диссеминации, рассу-

панию социального присутствия» [5, с. 67], коллапсу цивилизации [10].

Проблема культурного коллапса указывает на утрату преемственности в передаче ранее обозначенной внутренне аподиктической позиции, неистовой в отношении достоверности аксиоматических начал знания.

Подлинно демиургическим прорывом в отношении прояснения генезиса объективированных в социокультурном универсуме теоретических основоположений в философии XX в., на наш взгляд, знаменуется феноменологическая наука известного немецкого мыслителя Эдмунда Гуссерля, которая возвращает нас к исконно мудрой исследовательской расположенности. Философ исходит из того, что каждый человек обладает врожденным аподиктическим разумом, т.е. разумом, интересующимся вопросами универсального порядка и ориентированным на поиск и истолкование неизменного смысла, которым этот жизненный мир обладает для всех нас до всякого философствования. Э. Гуссерль постулирует необходимость работы на платформе сущностной рациональности, способствующей этическому преобразению сознания и коренной трансформации понимания многих духовных компонентов современной цивилизации. В контексте изложенного становится понятна критика европейской научно-теоретической и философской деятельности, по сути, всегда формирующей проекты развития человечества, тем более что «научный разум в широком смысле слова составляет центральное ядро, душу европейской культуры и европейского человечества» [1, с. 472–473; 14, с. 337]. Критический анализ направлен на сбившийся с пути подход европейской рациональности к поиску и обоснованию истины как главного источника кризиса европейской цивилизации [4]. В то время как научная рациональность выступает в качестве одного из многих компонентов разума в его сущностном назначении.

Говоря о сущностном единстве законов функционирования человеческого разума и сознания, Э. Гуссерль не ставил во главу проблемного поля своих размышлений объективированные в мире системы этики и социокультурный универсум в целом. Противоречивость и релятивность социокультурного универсума вынуждали Э. Гуссерля отказаться от любого полагаемого бытия, обусловленного социокультурной ментальностью. Объективное рассмотрение мира в ментально-эйдетической установке сознания «есть рассмотрение «вовне», оно схватывает только «внешность», объективность» [4, с. 156]. Феноменолог не ищет единого субстанционального первоначала мира, для него очевидна его недосыгае-

мость в объективированной реальности мира. Интенции «незаинтересованного наблюдателя» направлены на поиск генезиса постоянно актуализирующегося смыслового универсума. Он ориентирован на то, что делает возможным, заранее предположенным любую объективацию, на последовательное внутреннее рассмотрение чистой субъективности, способной выразить себя как человеческую субъективность (автономность), входящую в состав внешнего мира. Чистая субъективность жизненного мира как предмет феноменологического исследования предстоит всему, что «конституирует наш социальный мир в его исторической актуальности и все прочие социальные миры, знание о которых дает нам история» [13, с. 185]. Бытие сознания первично, исходно, «абсолютно» по сравнению с бытием мира.

Задача феноменолога выйти за грани процесса социокультурной идеализации и формализации, априорность существования которых не направлена на формирование изначально чистой установки мировосприятия, возвращающей к непосредственным данностям жизненного мира. «Сущее» и «должное», этическое в целом, в их социокультурных инвариантах лишаются онтологической, абсолютной объективистской значимости. Их сущность определяется тем, что они – нечто только переживаемое. Все, не наделенное сознанием, обязательно становится коррелятами сознания, получает явленность, данность исключительно через сознание. Пространственно-временная и объективно-эйдетическая реальности обретают статус «интенционального бытия» [3, с. 36–74, 129–184], которое полагается как интенциональный предмет во внутреннем мире самого сознания.

Интенциональная заинтересованность в обращении к данностям сознания побуждает феноменолога совершить радикальную методологическую процедуру. Он выводит из игры (заключает в скобки, редуцирует) не только сферу пространственно-временной тотальности (эйдетическая установка), но «все трансцендентально-эйдетические области и относящиеся к ним онтологии» [7, с. 246] (трансцендентально-феноменологическая установка сознания). Тем самым феноменолог сосредотачивается на предметном бытии чистых актов сознания, поле трансцендентально чистого сознания, явленного в чистой интуиции как «сознание непосредственной данности необратимого потока (каких-либо) переживаний, как некоторое «в себе» структурированное и потому доступное (феноменологическому) структурированию текучее единство» [7, с. 34].

В результате становится очевидным наличие жизненного мира внетемпоральной абсо-

лютной субъективности, постоянно пребывающей в «непрерывном потоке мыслящего (когитирующего) бытия и жизни, высматривающей в нем все, что следует усматривать» [7, с. 336]. Жизненный мир определяется в качестве «универсального духовного приобретения, постоянно существующего для нас в текучем изменении способов данности» [3, с. 456], как «формы первоначальных очевидностей и субъективной донаучной практики, интересубъективного опыта» [8, с. 9], в котором практически разворачивается вся наша жизнь. Таким образом, универсальной феноменологической предпосылкой многообразия этических нормативностей является наличие универсального «сущего» и абсолютной нормативности (должного) жизненного мира как единого интересубъективного поля, предшествующего любому измерению социокультурного универсума. Феноменология ориентирует нас на открытие жизненного мира как интересубъективного универсума переживаний, которому «принадлежит жизнь самого наблюдателя вместе с другими, а также присущие ей процессы образования общностей, активно и пассивно придающие этому жизненному миру форму мира социальной» [13, с. 185].

Феноменология для любой науки о природе или духе, в частности для этической науки, имеет фундаментальное значение. Она позволяет заметить абстракцию, благодаря которой становится возможно полагание природной тотальности в качестве предметной области естествознания и наук о духе. Феноменология нацелена на обретение трансцендентально-феноменологической установки сознания, при реализации которой «открываются» горизонты схватывания чистой жизни сознания, сущностной нормативности.

В свою очередь, единый духовный генезис этического плюрализма в социокультурном универсуме в русле феноменологии связан с «сущим» и «должным» (нормативным) целостного жизненного мира. Реалии жизненного мира имеют универсальное значение и предостоят всем так или иначе объективированным (онтологически) системам этики. Этическое связано с открывающимся перед редуцирующим наблюдателем потоком чистых переживаний сознания, имеющих интересубъективную когнитивную природу, указывающую на то, что генезис систем этики единичен и неизменен.

Для феноменолога живая актуализация этического начинается с момента его осознанного (бодрого), редуцирующего присутствия в динамике жизненного мира – состоянии перманентного схватывания аподиктических сущностей-переживаний естества жизненного мира. Подлинно этическое имеет проясненные апо-

диктические основоположения в связи с «сущим» чистых переживаний и исходит из интерсубъективной нормативности жизненного мира.

Первооснова феноменологического созерцания предполагает воздержание от всякой рефлексии реальности в духе естественной установки сознания, приводящей к возникновению ментально-праксиологического дисбаланса в жизни представителя той или иной социокультуры. Другими словами, феноменология указывает на причину противоречивости мысли, слова и дела человека, несоответствия социокультурного идеала, проповедуемого им, его поступкам. Проблема ментально-праксиологического несоответствия возникает в силу того, что подавляющее большинство представителей существующих социокультур не способны созерцать сущности, предстоящие ментально-эйдетическому измерению сознания. Немногие из представителей социокультурных традиций способны совершить эйдетическую редукцию, не говоря уже о трансцендентально-феноменологической редукции. Представители этики счастья, как правило, погружены в реальность наивной установки сознания. С другой стороны, подавляющая масса представителей идеационалистической (этика абсолютных норм) и идеалистической (этика любви) социокультур [11, с. 521–539], пребывая в эйдетической установке сознания, вне состояния бодрствующей рефлексии, не способны передать полноту живых переживаний сознания этического. Им не очевидны истоки доаприорного «сущего» и «нормативно-этического» жизненного мира, его интерсубъективность и поток чистых переживаний сознания.

За всю историю западноевропейской философии и науки не было ученого, который бы не совершил обозначенную методическую ошибку эйдетической установки сознания – ошибку априорного объективизма. Сам Э. Гуссерль, опасаясь методической непоследовательности, акцентировал внимание на необходимости перманентной редукции в отношении объективаций состоявшихся актов переживаний и сохранения интенциональной сосредоточенности на постоянно актуализирующемся живом потоке актов сознания. Эйдетическая установка оставляет исследователя равнодушным к аподиктическому полю реальной философской рефлексии, которое содержит основоположения любых теоретических построений, смыслов и значимостей. В результате происходит утрата изначальной очевидности знания, его смысловой основы, игнорирование донаучных оснований базисных научных и философских категорий. Нерешенной поставленная задача

осталась и в трансцендентализме И. Канта. Им не различалась и не актуализировалась «задача конкретного аналитического исследования актуальной субъективности, в которой имеет свою значимость актуальный созерцательный мир феноменов» [4, с. 353], чистых переживаний сознания. Подтверждение постулатов практического разума, учения о двуедином содержании «высшего блага» И. Кант находит в этосе христианской традиции, этике любви, однако реальные основоположения логико-семантических построений последней для самого И. Канта остались непроясненными. Несмотря на то, что И. Кант ориентируется на предданность априорного мира сознания, актуально значимую трансцендентальную сферу этической автономии, он возводит в объективный абсолюте идеи, скрытая и связующая с донаучным жизненным миром чистая субъективистская основа которых, тем не менее, остается за рамками рефлексии философа. К числу таких абсолютов можно отнести идеи о непознаваемости в-себе-сущностного мира, о трех постулатах практического разума и др.

Если человек остается в теоретизированной эйдетической реальности без интенционального анализа предстоящих ей чистых переживаний сознания, то культивируемые им принципы этики любви будут оставаться на уровне ментальной идеализации. Хотя в случае интенционального соприкосновения с жизнью бодрствующего сознания, носителем аподиктических переживаний даже представитель чувственной социокультуры в акте идеации (усмотрение сущности) способен на основе переживания очевидности универсальной интерсубъективной платформы жизненного мира понимать представителя любой этической нормативности. Пребывание в позиции феноменологической рефлексии, как минимум, позволяет человеку любой социокультурной принадлежности в коммуникативном акте быть реально восприимчивым ко многому из того, что предстоит онтологической дискурсивности традиции любой другой социокультуры. Бодрствующее сознание феноменолога, созерцая чистые сущности-переживания в любых коммуникативных отношениях, способно преодолеть всю противоречивость естественной установки сознания. В результате возникает универсальная платформа, установка сознания для межкультурного взаимопонимания, сопереживания.

Как правило, социальные системы преемственности систем этики, в силу незнания или неразличения единого генезиса, носят стихийный и бессознательный характер, хотя и приводящий к закономерной, но не проясненной в корне динамике флуктуаций суперсистем в

социокультурном универсуме. Поэтому к истинным источникам-хранителям ценностей этики любви в действительности относятся те немногие, кто способен занять адекватную позицию, в расположении которой различается абсолютная нормативность в бесконечном многообразии явленной для нас пространственно-временной тотальности. Аподиктическое различие, которому они научены, придает социокультурному и природному универсумам неизменный, или универсальный, статус, связанный с трансцендентальной реальностью мира сущностей-переживаний. У истоков всех глобальных социокультурных флуктуаций, приводящих к утверждению этики любви, стояли личности, обладающие бодрствующим, реально рефлексирующим сознанием, позволяющим схватывать аподиктические сущности-переживания универсума жизненного мира.

Таким образом, этическое пробуждается в чистой коммуникативности, при которой высвобождается колоссальный моральный и духовный потенциал человека, пробуждается его врожденный аподиктический разум. Именно среди бодрствующих представителей складывается коммуникативность, нацеленная на прояснение характера чистоты и аподиктичности переживаний ее членов в связи с абсолютной нормативностью. Ее участник постепенно становится носителем универсальных ценно-

стей, начинает действовать в духе этики любви, приносит в свое отношение к людям и миру бескорыстие «агапэ» как «объединяющей, интегрирующей и гармонизирующей силы» [12, с. 157], как источника сострадания, синергии и созидания. Пробуждается личность, резонирующая сущностной предназначенности мира. Как часть жизненного мира она не испытывает внутреннего дефицита несуществования (отсутствие полагаемого в здесь сущей данности), единства (монистический индивидуализм, безразличие, имперсонализм), множественности и изменчивости (отчужденность и релятивность) окружающего мира фактов и неосознанно подчиненных ему эмпирической, психологической, эйдетической и эгологической хабитуальностей. Напротив, такая личность замечает тысячи возможностей для реализации генерируемого изнутри колоссального энергетического потенциала жизненности, неизменности, т.е. уникальности (различимость и единичность), своей целостной и динамичной сущности. Она одухотворяет явленную для нее природную тотальность, выступает связующим звеном в упорядочивании и системности хаоса социокультурного и природного универсумов. Она способна схватывать сущность и значимость актуализированных для нее элементов универсума.

1. Гайденко П.П. *Научная рациональность и философский разум*. М., 2003.

2. Геттинг Г. *Встречи с Альбертом Швейцером*. М., 1967.

3. Гуссерль Э. *Избранные работы*. М., 2005.

4. Гуссерль Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию*. СПб., 2004.

5. Колбин Д.А. *Социальное пространство в структурах негативности // Социальная онтология: конструктивно-онтологический подход*. Ижевск, 2011.

6. Косыхин В.Г. *Критический анализ онтологических оснований нигилизма: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук*. Саратов, 2009.

7. Мотрошилова Н.В. *Идеи Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию*. М., 2003.

8. Микешина Л.А. *Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания*. М., 2008.

9. Надточий И.О. *Онтологические и методологические основания современной философской этики: дисс. ... д-ра филос. наук*. Воронеж, 2011.

10. Сколота З.Н. *Проблема гибели цивилизации как предмет философской рефлексии: автореф. дисс. ... канд. филос. наук*. М., 2009.

1. Gaydenko P.P. *Scientific rationality and philosophical reason*. M., 2003.

2. Getting G. *Meeting with Albert Schweitzer*. M., 1967.

3. Husserl E. *The chosen works*. M., 2005.

4. Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Philosophy. Introduction in phenomenological philosophy*. SPb., 2004.

5. Kolbin D.A. *Social space in negativity structures // Social ontology: constructive and ontological approach*. Izhevsk, 2011.

6. Kosykhin V.G. *Critical analysis of the ontologic bases of nihilism: autoabstract dis. ... Doctor of philosophy*. Saratov, 2009.

7. Motroshilova N.V. *Ideas I Edmund Husserl's as an introduction to phenomenology*. M., 2003.

8. Mikeshina L.A. *Philosophy of knowledge. The problems of epistemology of the humanities*. M., 2008.

9. Nadtochy I.O. *Ontologic and methodological bases of modern philosophical ethics: dis. ... Doctor of philosophy*. Voronezh, 2011.

10. Skolota Z.N. *The problem of the death of civilization as an object of philosophical reflection: autoref dis. ... Master of philosophy*. M., 2009.

11. Sorokin P.A. *Social and cultural dynamics*. M., 2006.

11. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

12. Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // Социологическое наследие. 1991. № 8.

13. Щюц А. Мир, светящийся смыслом. М., 2004.

14. Husserl E. *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phanomenologie*. Den Haag, 1962.

12. Sorokin P.A. *Mysterious energy of love // Sociological heritage*. 1991 . № 8.

13. Shchyuts A. *The world which is shining with sense*. М., 2004.

14. Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Philosophy*. Hague, 1962.

Щуров Евгений Андреевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583181)

Технологии проблемного обучения в процессе профессионального саморазвития курсантов вузов МВД России

Статья посвящена технологиям проблемного обучения в процессе профессионального саморазвития курсантов вузов МВД России.

Ключевые слова: технологии проблемного обучения, профессиональное саморазвитие, моделирование, конструирование, проблемная ситуация.

E.A. Schurov, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583181.

Technologies of problem training in the course of professional self-development of cadets of higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia

Article is devoted to technologies of problem training in the course of professional self-development of cadets of higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia.

Key words: technologies of problem training, professional self-development, modeling, designing, problem situation.

На современном этапе развития высших учебных заведений МВД России теоретические и прикладные проблемы подготовки квалифицированных сотрудников полиции привлекают ученых своей актуальностью и недостаточной разработанностью. Традиционная система высшего ведомственного профессионального образования направлена на усвоение определенных массивов знаний, принятых в данной отрасли в качестве нормативных. Понятно, что основанием такого подхода к образованию является определенная устойчивость социальных механизмов, позволяющая прогнозировать деятельность в различных областях социальной реальности. В условиях опережающего образования, когда вуз МВД России является многоуровневым, многофункциональным, реализующим разнообразные программы профессионального образования, а также обеспечивающим обучение в течение всей жизни, важным фактором повышения качества подготовки кадров является более быстрое и системное обновление содержания и характера образовательных технологий. В процессе обучения важно не нарушить баланс между установкой на технологизацию образования и ориентацией практической подготовки на профессиональное саморазвитие курсантов. Актуальным в научно-прикладном плане и значимым в методологическом аспекте представляется последовательное изучение и описание образовательных

технологий, реализуемых в вузах МВД России. Наиболее значимыми являются технологии проблемного обучения, направленные на профессиональную деятельность.

Технология проблемного обучения при профессиональном саморазвитии курсантов может быть реализована в нескольких формах: проблемное изложение познаваемого материала, частично-поисковый способ усвоения знаний, исследовательский подход в обучении [1, 2]. Каждая из этих форм имеет свои недостатки и достоинства. При проблемном изложении, когда преподаватель ставит перед курсантами проблему и далее излагает учебный материал, недостаточно развивается умственная активность курсантов и их профессиональное саморазвитие, хотя сам факт постановки проблемы и раскрытия логики ее решения, показ противоречий и способов их преодоления, безусловно, активизируют деятельность обучаемых. Сущность проблемного обучения заключается в том, что процесс формирования знаний, навыков и умений опирается на решение проблем и проблемных задач в динамике, на основе выявленных противоречий [10, 12]. Проблемное обучение обеспечивает формирование качеств, характерных для профессиональной деятельности, овладение стилем научного мышления, готовностью к самообразованию, развитию способностей, самосовершенствованию и в целом к саморазвитию.

Проблемные методы, включающие моделирование, конструирование, практические упражнения, специальные тренировки и т.п., ориентированные на профессиональное саморазвитие курсантов, основываются на познавательной активности и имеют следующие качества:

- умение видеть новые проблемы в знакомых, стандартных условиях [13];

- способность переносить знания, умения и навыки для деятельности в новой нестандартной ситуации [6];

- способность видеть альтернативу решения [7];

- способность видеть новые функции знакомого объекта [9];

- умение видеть структуру объекта, который предстоит изучать [4];

- умение комбинировать ранее известные способы решения в новый способ и создавать новые алгоритмы решения задач [8].

Способности к познавательной активности являются частью интеллектуального развития личности, формируются и развиваются при преодолении затруднения средствами интеллекта [13]. Такое затруднение получило название проблемной ситуации. Проблемная ситуация в контексте профессионального саморазвития курсантов вузов МВД России представляет собой осознаваемое затруднение, преодоление которого требует новых знаний и новых способов действий.

Отечественные исследователи [10, 12] считают, что без осознания затруднения не возникает потребность в поиске, без которой не возможно продуктивное мышление. Исходные значения должны отвечать предметному содержанию проблемной ситуации, а интеллектуальные возможности обучаемого определяют уровень сложности содержания. Иначе говоря, проблемная ситуация должна соответствовать уровню подготовки слушателя. Только при этом условии проблемная ситуация может перерасти в проблему и способствовать активизации познавательной деятельности курсантов и их профессиональному саморазвитию.

В отечественной педагогике существуют и различные классификации проблемных методов обучения [10, 12]. К их числу относят «закрытые» типы (продуктивно-алгоритмические) проблемных задач, которые содержат все необходимые для их решения исходные данные, что позволяет решить задачу полностью. «Открытые» (эвристические) проблемные задачи содержат часть необходимых для их решения данных. Решение таких задач требует глубоких теоретических знаний, активной мыслительной деятельности, т.к. они имеют несколько вари-

антов решения, что способствует профессиональному саморазвитию курсантов. Значимой формой постановки проблемы, как указывают исследователи [10, 12, 13], является проблемная задача с определенными условиями и параметрами. Авторы отмечают, что проблемная задача отличается от проблемы тем, что в ней введением специальных условий заведомо ограничивается поле поиска решения. Всякая дидактическая проблема является, по существу, проблемной задачей, которая специально строится в интересах учебного процесса. Критерием эффективности проблемного обучения авторы считают умение обучаемых делать аргументированные выводы на основе выявления связи между различными данными в условии проблемной задачи.

Важным критерием эффективности применения проблемных методов профессионального саморазвития, как свидетельствует опыт, является достигнутый в результате уровень профессионального саморазвития. Здесь имеется в виду активное самообразование, т.е. целенаправленное развитие не только знаний, умений и навыков, но и личностных качеств, имеющих для профессиональной правоохранительной деятельности большое значение.

В контексте исследования проблемы профессионального саморазвития курсантов вузов МВД России важным условием их активности является умение преподавателя заинтересовать обучаемых видами деятельности, которые развивают профессионализм и личностные качества. В связи с этим структура организации обучения на основе проблемной ситуации включает: а) понимание вопроса сформулированного противоречия; б) осознание возникшего затруднения; в) понимание необходимости поиска решения; г) достигнутый результат. Для того чтобы проблемная ситуация выполняла функцию импульса к продуктивному мышлению, она должна быть принята курсантами к разрешению.

При осуществлении методов проблемного обучения в процессе профессионального саморазвития курсантов преподаватель вуза МВД России должен знать следующие основные требования:

- решение проблемы должно быть ориентировано на максимальную самостоятельность и познавательную деятельность курсантов;

- проблема должна соответствовать уровню восприятия информации;

- проблема должна создавать трудность в ее решении и в то же время быть посильной, тем самым способствовать формированию потребности в ее решении;

- проблема в процессе ее решения должна порождать потребность в рассмотрении новых

ситуаций, связанных с рассматриваемой, т.е. актуализировать профессиональное саморазвитие курсантов;

формулировка учебной проблемы должна быть максимально ясной и свободной от непонятных для обучаемого слов и выражений;

проблема должна базироваться на основных дидактических принципах (научности, системности, доступности, непрерывности, связи с практикой и т.п.).

Реализация технологии проблемного обучения может быть представлена на разных этапах профессионального саморазвития, что в значительной степени зависит от его сложности и трудности решаемых практико-ориентированных задач. По степени сложности заявленной проблемы авторы [10, 12, 13] выделяют пять уровней: первый (самый низкий) – характеризуется проблемным изложением, при котором преподаватель, создав проблемную ситуацию, формулирует проблему, дает ее конечное решение и показывает путь ее решения; второй – преподаватель создает проблемную ситуацию, формулирует проблему и дает ее конечное решение; третий – проблемная ситуация создается преподавателем, им же она и формулируется; обучаемые самостоятельно решают проблему при активной помощи преподавателя; четвертый – преподаватель создает проблемную ситуацию, а обучаемые сами формулируют и решают ее на основе сотрудничества; состав дидактического материала при применении технологии проблемного обучения остается тем же, что и при традиционном обучении (по содержанию эти материалы должны отражать активную работу курсантов); пятый – обучаемые самостоятельно создают проблемную ситуацию, формулируют ее и решают ее при участии преподавателя. Данный уровень проблемы в большей степени формирует способность к профессиональному саморазвитию.

В качестве методического обеспечения технологии проблемного обучения, ориентированного на профессиональное саморазвитие кур-

сантов в вузах МВД России, следует учитывать: перечень вопросов; перечень проблемных ситуаций и различных проблем; перечень проблемных задач для самостоятельной работы; включение в перечень задач, решение которых невозможно без использования новых информационных технологий.

При введении технологии проблемного обучения на занятиях рекомендуется придерживаться следующих основных положений:

а) формировать у курсантов способность ставить вопросы и самостоятельно формулировать проблемы; б) при создании проблемных ситуаций, формулировке проблем курсанты должны быть ориентированы на основное содержание задачи, непосредственно связанной с профессиональной деятельностью; в) проблемные задачи должны быть практико-ориентированными на профессиональную деятельность; г) во всех случаях постановки проблемы следует ориентироваться на располагаемое время и на наличие учебно-методического обеспечения, использование электронных образовательных программ.

Таким образом, технологии проблемного обучения требуют ориентации на критическое осмысление, сознательное усвоение получаемых знаний, умений и навыков, направленных на профессиональное саморазвитие, осознание алгоритмов деятельности и поведения. В ходе практической подготовки курсантов вузов МВД России выявлена следующая закономерность: если занятие носит нетрадиционный характер, если в занятия включаются элементы тренингов, присутствуют деловые игры, интерактивные методы, методы кейс-стади, то курсанты активнее включаются в работу, запоминают больше информации, развивают навыки перцепции и коммуникации, учатся находить целесообразные компромиссные решения, стремятся осуществлять рефлекссию. Это, безусловно, повышает качество их знаний, формируемых умений и навыков, опыта практико-ориентированной профессиональной деятельности.

1. Амельчаков И.Ф. О совершенствовании профессиональной подготовки кадров и учебного процесса в образовательных учреждениях МВД России // Вестник кадровой политики МВД России. 2009. № 1.

2. Белкин Е.Л. Дидактические основы управления познавательной деятельностью в условиях применения технических средств обучения. Ярославль, 1982.

3. Беспалько В.П., Татур Ю.Г. Системно-методическое обеспечение процесса подготовки специалистов. М., 1989.

1. Amelchakov I.F. About improvement of a professional of preparation of shots and educational process in educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia // Bulletin of personnel policy of the Ministry of the Interior of Russia. 2009. № 1.

2. Belkin E.L. Didactic bases of management of informative activity in the conditions of application of technical means of training. Yaroslavl, 1982.

3. Bepalko V.P., Tatur Yu.G. System and methodical ensuring process of training of specialists. M., 1989.

4. Васильева С.В. Интеграция содержания обучения как средство совершенствования профессиональной подготовки специалистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1994.

5. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: метод. пособие. М., 1991.

6. Давыдов В.П. Исследование путей повышения эффективности обучения: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1974.

7. Зубра А.С. Культура умственного труда студента: пособие для студ. высш. учеб. заведений: Минск, 2007.

8. Журавлева Т.Л. Активизация профессионального саморазвития слушателей Вузов МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1998.

9. Кочин А.А. Повышение эффективности процесса формирования офицера-профессионала в ВВУЗе внутренних войск МВД: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1996.

10. Кулюткин Ю.Н. Умственная самостоятельность учащихся и проблема ее развития // *Вечерняя средняя школа*. 1983. № 1.

11. Лобанов Ю.И. Эффективность образовательных технологий: проблемы и задачи / Ю.И. Лобанов, В.С. Токарева, М.А. Сухинина // *Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования*. М., 1999, Вып. 15.

12. Лобанов С.И. Активизация познавательной деятельности курсантов учебных частей ВВ МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1996.

13. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 1972.

14. Махмутов М.И. Проблемное обучение. М., 1974.

15. Реан А.А. Психология педагогической деятельности. Ижевск, 1993.

4. Vasilyeva S.B. Integration of the content of training as means of a soverkshenstvovaniye of vocational training of experts: autoref. dis. ... Master of Pedagogics. M., 1994.

5. Verbitsky A.A. Active training at the higher school: contextual approach: method, settlement. M., 1991.

6. Davidov V.P. Research of ways of increase of efficiency obuchekniya: autoref. dis. ... Doctor of Pedagogics. M., 1974.

7. Zybra A.S. Culture of brainwork of the student: grant for the students of the highest institutions. Minsk, 2007.

8. Zhuravlyova T.L. Activization of professional self-development of students of Higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia: autoref. dis. ... Master of Pedagogics. SPb., 1998.

9. Kochin A.A. Increase of efficiency of process of formation of the professional officer in institutions of internal troops of the Ministry of the Interior of Russia: dis. ... Master of Pedagogics. SPb., 1996.

10. Kulyutkin Yu.N. Mental independence of pupils and problems of its development // *Evening high school*. 1983. № 1.

11. Lobanov Yu.I. Effektivness of educational technologies: problems and task / Yu.I. Lobanov, V.C. Tokareva, M.A. Sukhinina // *Analytical reviews on the main directions of development of the higher education*. Vol. 15. M., 1999.

12. Lobanov S.I. Aktivization of mullets of informative activity of cadets of teaching departments of the Ministry of the Interior of Russia: autoref. dis. ... Master of Pedagogics. SPb., 1996.

13. Matyushkin A.M. Problem situations in thinking and training. M., 1972.

14. Makhmutov M. I. Problem training. M., 1974.

15. Rean A.A. Psychology of pedagogical activity. Izhevsk. 1993.

Казаченко Елена Валерьевна

начальник учебного отдела

Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)

Краснодарского университета МВД России,

(e-mail: nfkru@yandex.ru)

Значение мотивации в развитии профессионально-коммуникативной культуры сотрудников полиции в системе повышения кадров МВД России

В статье рассматривается значение мотивации в развитии профессионально-коммуникативной культуры сотрудников полиции в системе повышения кадров МВД России. Дается теоретический обзор различных взглядов на сущность мотива и мотивации. Мотив трактуется как сложное системное психологическое образование. Делается вывод о том, что потребность развития профессионально-коммуникативной культуры сотрудников полиции – это интегрированное качество личности.

Ключевые слова: потребность, мотив, профессионально-коммуникативная культура, сотрудник полиции, интегрированное качество личности.

E.V. Kazachenko, Head of Teaching Department of North Caucasian advanced training Institute for the personnel of the Ministry of the Interior of Russia (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nfkru@yandex.ru.

The meaning of motivation in the development of professional and communicative culture of police in the system of advanced training of personnel of the Ministry of the Interior of Russia

The meaning of motivation in the development of professional and communicative culture of police in the system of advanced training of personnel of Russia MIA is studied in this article. Theoretical review of different points of view on the essence of motive and motivation is given. Motive is looked upon as a complex psychological unity. The conclusion that demands in the development of professional and communicative culture of police form integrated quality of a person is made.

Key words: demand, motive, professional and communicative culture, policeman, integrated quality of a person.

Профессиональная деятельность сотрудника полиции имеет свою специфику, обусловленную особенностями его положения, а также широтой сферы профессиональной деятельности. Осуществление профессиональных обязанностей затрагивает сферу прав граждан и сопровождается применением к тем или иным лицам мер государственного принуждения. Меры борьбы с преступностью должны соответствовать требованиям законности, осуществляемым в том числе и коммуникативным взаимодействием. Неоспорима связь между профессиональными качествами, которыми должен обладать сотрудник полиции, и обществом, в котором его деятельность реализуется, а следовательно, значима и межличностная, и межкультурная коммуникация. Иными словами, профессиональным качеством сотрудника полиции, которое способствует эффективному исполнению служебных обязанностей, является профессионально-коммуникативная культура. В Кодексе

профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ основными задачами системы повышения квалификации сотрудников МВД России являются формирование профессиональной, правовой, духовно-нравственной, эстетической, физической, экологической культуры, обучение современным формам общения, умению жить в быстро меняющемся мире, развитие способности к получению информации, принятию эффективных решений.

Для сотрудников полиции особую значимость приобретают полноценная адаптация к новой социокультурной ситуации, способность реконструировать ценности участников диалога, что позволяет осознавать мотивы, установки и стереотипы партнеров по взаимодействию, влияющие на их правосознание. Учитывая это, профессиональная культура включает в себя разнообразные модели поведения. Несмотря на относительную замкнутость, современная профессиональная культура должна быть открыта внешним идеям, быть культурой

диалога и полилога, в русле которых формируется личность. На основе инноваций и творческой составляющей профессиональной деятельности стимулируется индивидуализация проявления личности как субъекта профессии.

Профессиональная культура сотрудника полиции характеризуется наличием системы свойств накопления, хранения и передачи информации, программ поведения, представлений о сущности данной профессии, среди которых цели профессиональной деятельности, нормы и доминанты идеологии профессии, т.е. системы специальных убеждений, совокупности идей, сфокусированных вокруг основополагающих данной профессии ценностей [8, с. 17].

На современном этапе в системе профессионального образования коммуникативная культура личности рассматривается в контексте формирования профессиональной компетентности специалистов [1, 3, 5, 6, 10]. Важными качествами личности специалиста, как свидетельствуют исследования ученых, являются убежденность в общественной значимости профессиональной деятельности, умение видеть перспективы роста в избранной профессиональной области. Для этого современному сотруднику полиции необходимы глубокие теоретические познания, аналитические и проективные умения, практические профессиональные навыки, коммуникативная компетентность.

Сегодня уровень профессионально-коммуникативной компетентности сотрудников полиции далек от качественного состояния, о чем свидетельствует опыт работы автора в сфере подготовки кадров. Поиск решения проблемы обучения специалистов-профессионалов, обладающих высокой профессионально-коммуникативной культурой, предопределен рядом противоречий как объективного, так и субъективного характера: несоответствием соотношений собственных возможностей и реальной профессиональной коммуникативной подготовки; неоднозначностью взаимосвязи процесса и результата освоения профессионально-коммуникативной компетентности в русле ее практического применения; отсутствием эффективных коммуникативных методов обучения, создающих возможности овладения коммуникативной культурой. Когда говорят о компетентности, в частности коммуникативной компетентности сотрудника полиции, имеют в виду человека опытного, квалифицированного, владеющего основами профессионального мастерства, необходимыми умениями, навыками и возможностью их реализации в практической деятельности.

Эффективность развития профессионально-коммуникативной культуры сотрудника поли-

ции определяется такими содержательными компонентами, как мотивация, наличие активности, четко сформулированная цель, способность к самообразованию, информационная компетентность, интеллектуальные качества, способствующие достижению результатов.

Проблема мотивации и мотивов – одна из стержневых в теории обучения. Проблемы мотивации изложены в работах И.А. Васильева, М.Ш. Магомед-Эминова [2], А.К. Громцевой [4], А.Ф. Караваева [9], А.К. Марковой [12], Б.Ф. Райского [14], Г.Н. Серикова [15] и др. Были исследованы отдельные мотивы, намечены цели по изучению состава, структуры, иерархии мотивов самообразования, выделены признаки мотивации самообразования в целом. Взгляды на сущность мотива и мотивации в работах ученых характеризуются как совокупность факторов, определяющих поведение; совокупность мотивов; побуждение, вызывающее активность организма и определяющее ее направленность [7].

Ряд авторов включает в понятие мотивации «все виды побуждений: мотивы, потребности, интересы, стремления, цели, влечения, мотивационные установки или диспозиции, идеалы» [2]. Существует точка зрения [13, с. 410], согласно которой мотивацию следует рассматривать исходя из трех параметров: направленности, интенсивности и устойчивости. Направленность связана с выбором деятельности, на которую обучающиеся тратят свои силы; интенсивность подразумевает, что студенты могут прилагать неодинаковые усилия в зависимости от потребности в них; продолжительность отражает устойчивость мотивации во времени в противовес единичному выбору между разными способами поведения.

Ученые-психологи (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) утверждают, что мотивационная система личности – это система непосредственной регуляции жизнедеятельности человека, высшим уровнем которой является сознательно-волевой. В основном классификация мотивов учитывает мотив как потребность, намерение, цель, побуждение, состояния, свойства личности и др. Очевидно, что решение вопроса о сущности мотива как основания и побудителя активности человека основывается на том, что детерминация поведения и деятельности обуславливается не просто разрозненными факторами, а их совокупностью, каждый из которых выполняет в целостном процессе детерминации свои определенные функции. Отсюда и мотив правомерно рассматривать как сложное интегральное (системное) психологическое образование. Исходя из этого, мы принимаем мотивацию сотруд-

ников полиции к развитию профессионально-коммуникативной культуры как сложное образование, вызванное каким-либо мотивом или группой мотивов, побуждающих личность к действию.

Некоторые ученые склонны отождествлять понятия «мотив» и «потребность», утверждая, что «большая часть тех явлений, которые обычно в педагогической литературе называют мотивами учения, представляет собой потребность или явление, непосредственно связанное с потребностями» [7, с. 10]. Существует мнение, что потребности – это система осознанных и неосознанных побуждений, которые характеризуются относительной устойчивостью и постоянством, тогда как отдельные мотивы могут быть временными, проходящими образованиями. Следовательно, многие мотивы не связаны с наличными потребностями человека. Так, например, в служебной практике сотрудников полиции требования, приказ и другие факторы действительности, отражаясь в сознании, могут стать мотивами вопреки существующим потребностям личности. Исследователь А.Н. Леонтьев [11] считает, что за мотивом всегда скрывается проблема потребностей в ее реальности, но в понятии «потребность» мотив находится скрыто. В то же время «о потребности ничего нельзя сказать иначе, как на языке мотивов... Мотивы деятельности несут в себе содержательную характеристику потребностей» [11, с. 11].

Следовательно, потребность – только предпосылка мотивации к деятельности, но сама по

себе она еще не придает деятельности определенную направленность. Реальная же направленность деятельности вызывается предметом, отвечающим потребности, т. е. мотивом. Формирование мотивов идет вместе с формированием потребностей. Иными словами, потребность является внутренним побудителем любой деятельности. Она отражает нужду субъекта в некотором объекте. Потребность в развитии профессионально-коммуникативной культуры определяет цель деятельности сотрудника полиции. Эта потребность соответствует достаточно широкому кругу объектов, а мотив в данном контексте соотносится с конкретными формами. С точки зрения развития профессионально-коммуникативной культуры сотрудников полиции важными являются: непрерывное формирование мотивов с позиций профессиональной компетентности; практико-ориентированная задача, содержащая целый комплекс мыслительных и практических действий; позиция сотрудников полиции, рассматриваемая как комплексная характеристика. Следовательно, мотивация и потребности к развитию профессионально-коммуникативной культуры сотрудников полиции – это интегрированное качество личности, побуждающее их целенаправленно и самостоятельно овладевать знаниями, умениями и навыками, организовывать свою познавательную деятельность на основе осознания потребности в постоянном саморазвитии и достижения конкурентоспособности.

1. Бочаров В.М. Система формирования социальной компетентности специалиста органов внутренних дел в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ставрополь, 2005.

2. Васильев И.А., Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация и контроль за действием. М., 1991.

3. Гершунский Б.С. Концепция самореализации в системе обоснования ценностей и целей образования // Педагогика. 2003. № 10.

4. Громцева А.К. Самообразование как социальная категория: учеб.-метод. пособие по спецкурсу. Л., 1976.

5. Губарева О.С. Психологические особенности формирования профессиональной компетентности сотрудников ОВД: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Харьков, 2005.

6. Ермаков Д.С. Компетентностный подход в образовании // Педагогика. 2011. № 4.

7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.

8. Каган М.С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа. М., 1974.

1. Bocharov V.M. Formation system of social competence of the expert of the Ministry of the Interior of Russia in the process of training: avtoref. dis. ... Doctor of Pedagogics. Stavropol, 2005.

2. Vasilyev I.A., Magomed – Eminov M.Sh. Motivation and control over action. M., 1991.

3. Gershunsky B.S. The concept of Self-realization in the education system of values and goals of education // Pedagogics. 2003. № 10.

4. Gromtseva A.K. Self-education as a social category, textbook on a spec. course. L., 1976.

5. Gubareva O.S. Psychological characteristics of the formation of professional competence of law enforcement officers: avtoref. dis. ... Master of Psychology. Kharkov, 2005.

6. Ermakov D.S. Competency-based approach to the education // Pedagogics. 2011. № 4.

7. Ilin E.P. Motivation and motives. SPb., 2000.

8. Kagan M.S. Human activity: experience in systemanalysis. M., 1974.

9. Karavaev A.F. Psychological and pedagogical foundations of professional development of specialists – police officers: meth. Settlement. M., 2005.

9. Караваев А.Ф. Психолого-педагогические основы профессионального становления специалистов – сотрудников органов внутренних дел: метод. пособие. М., 2005.
10. Купцова Е.Б. Понятие компетентности в контексте проблемы качества образования // Среднее профессиональное образование. 2009. № 2.
11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
12. Маркова А.К. Формирование мотивации учения / А.К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов. М., 1990.
13. Мучински П. Психология, профессия, карьера. 7-е изд. СПб., 2004.
14. Райский Б.Ф. Развитие у учащихся стремления к самообразованию. Волгоград, 1973.
15. Сериков Г.Н. Самообразование: совершенствование подготовки студентов. Иркутск, 1992.
10. Kupcova E.B. The concept of competence in the context of the quality of education // Secondary professional education. 2002. № 2.
11. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. M., 1975.
12. Markova A.K. Formation of learning motivation / A.K. Markova, T.A. Matis, A.B. Orlov. M., 1990.
13. Muchynski P. Psychology, profession, career. 7-th ed. SPb., 2004.
14. Rayski B.F. Development of student's desire for self-education. Volgograd, 1973.
15. Serikov G.N. Self-education: improving the training of students. Irkutsk. 1992.

Старостенко Игорь Николаевич

кандидат физико-математических наук, доцент,
начальник кафедры информатики и математики
Краснодарского университета МВД России

Шарпан Мария Владимировна

кандидат физико-математических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры информатики и математики
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583448)

Об организации электронного документооборота в органах внутренних дел

В статье рассматриваются особенности применения электронного документооборота на примере подразделений органов внутренних дел. Отдельное внимание уделяется изучению систем защищенного электронного документооборота, являющихся подклассом систем электронного документооборота.

Ключевые слова: автоматизация, информация, информационная безопасность, информационная система, электронный документооборот.

I.N. Starostenko, Master of Physical and Mathematical Sciences, Head of a Chair of Informatics and Mathematics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.; +78612583448.

M.V. Sharpan, Master of Physical and Mathematical Sciences, Senior Teacher of a Chair of Informatics and Mathematics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.; +78612583448.

About electronic document management systems in the internal affairs

The article discusses the features of the application of electronic document on the example of departments of internal affairs. Special attention is paid to secure electronic document management systems, which are a subclass of electronic document management systems.

Key words: automation, information, information security, information system, electronic document.

В настоящее время вопрос о необходимости автоматизации управления документооборотом уже перешел в практическую плоскость, и все больше российских организаций и государственных учреждений внедряют у себя системы электронного документооборота, позволяя на собственном опыте оценить преимущества новой технологии работы с документами.

Необходимость в автоматизации управления документооборотом разные специалисты сегодня видят по-разному: одни – в повышении эффективности организационно-распорядительного документооборота, другие – в повышении эффективности работы функциональных специалистов, создающих документы и использующих их в повседневной работе, и лишь немногие уделяют внимание обоим аспектам [2]. Такое разделение точек зрения в вопросах документооборота определяется разной ролью и значимостью самих документов в деятельности организации, что зависит от размера организации, стиля управления, общего уровня технологической зрелости и многих других факторов.

Электронный документооборот – это действительность, с которой сегодня сталкивается практически каждый. Информационные системы, сети,

различные электронные службы – это только часть тех средств, с помощью которых происходит электронный обмен данными.

Традиционно общепринятой формой представления результатов различной интеллектуальной деятельности и инструментом информационного взаимодействия являлась бумажная документация. Преобладает данная форма взаимодействия и в настоящее время. По статистике, в большинстве организаций, в том числе и в подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, более чем в 80% случаев используются именно бумажные документы [4].

Для подразделений органов внутренних дел, где количество документов и сложность их ведения значительны, становится жизненно важной задача автоматизации документооборота с целью устранения данных недостатков.

По сравнению с бумажным документооборотом, электронный документооборот имеет ряд преимуществ:

- многокритериальный поиск документов;
- контроль исполнения документов;
- регистрация документов;
- ввод резолюций к документам;
- распределенная обработка документов в сети;

распределение прав доступа к различным документам и функциям системы;
 ведение нескольких картотек документов;
 работа с проектами документов;
 распределение находящихся на исполнении документов по «папкам» в зависимости от стадии исполнения документа: поступившие, на исполнении, на контроле и др.;

формирование стандартных отчетов;
 обмен документами по электронной почте;
 списание документов в дело;
 отслеживание перемещений бумажных оригиналов и копий документов, ведение реестров внутренней передачи документов;
 ведение пользовательских списков должностных лиц, организаций, тематических рубрик, групп документов;
 редактирование шаблонов выходных печатных форм.

В условиях электронного документооборота требуется гораздо меньше затрат на перестройку документооборота при изменении внешних условий, например требований по изменению формы отчетности.

Введение электронного документооборота позволяет снизить количество служб, занятых работой с документами (курьеров, канцелярских работников и т. п.). В целях формирования современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставления на ее основе качественных услуг и обеспечения высокого уровня доступности для населения информации и технологий Министерство внутренних дел Российской Федерации проводит значительную работу по созданию на принципиально новом уровне единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. Одной из составляющих такой системы и является электронный обмен данными. Именно внедрение электронного документооборота в деятельность МВД России является весьма актуальной задачей, решение которой позволит в условиях сокращения численности сотрудников органов внут-

ренних дел обеспечить повышение эффективности их деятельности.

На сегодняшний день проблема построения документооборота вообще и защищенного документооборота в частности в государственных структурах стоит очень остро. В индустрии обеспечения информационной безопасности занято достаточно большое количество специалистов. При этом лишь небольшая их часть занята решением вопросов, связанных с организацией защищенного электронного документооборота. Повсеместное использование технологий электронного документооборота требует обязательной разработки и реализации комплексной программы обеспечения защищенности систем электронного документооборота. Когда заходит речь о безопасном документообороте и информационной безопасности, то обычно имеются в виду вопросы защиты систем электронного документооборота и соответствующих каналов связи от преступного вмешательства с помощью технических и программных средств. На самом деле проблема защиты информационных ресурсов организации гораздо более сложная и многоплановая, и для ее успешного решения необходимо использовать не только силы и средства, имеющиеся в распоряжении службы информационных технологий, но и возможности и опыт, накопленный другими службами. В стандарте ISO/IEC 17799 по управлению информационной безопасностью принят именно такой подход: должны защищаться все информационные ресурсы организации или, как в нашем случае, государственной структуры, и для достижения требуемого уровня безопасности должны активно применяться кадровая политика, разнообразные организационные меры, обучение и переподготовка сотрудников и т.д. [5].

Таким образом, информационные технологии должны выступать в качестве катализатора, благодаря которому органы внутренних дел перейдут на новый уровень взаимоотношений с населением, когда сотрудники будут напрямую отвечать на запросы граждан и относиться к ним как к клиентам, а не как к докучливым посетителям.

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ.

2. Куняев Н.Н. Конфиденциальное делопроизводство и защищенный электронный документооборот / А.С. Демушкин, А.Г. Фабричнов. М., 2011.

3. Чернов В.Н. Системы электронного документооборота. М., 2009.

4. URL: <http://www.mvd.ru>.

5. URL: <http://www.npo-echelon.ru>.

1. About the organization of providing the state and municipal services: fed. law from July 27, 2010. № 210-FL.

2. Kunyaev N.N. Confidential office-work and the protected electronic document flow / A.S. Demushkin, A.G. Fabrichnov. M., 2011.

3. Chernov V.N. Systems of electronic document flow. M., 2009.

4. URL: <http://www.mvd.ru>.

5. URL: <http://www.npo-echelon.ru>.

Кунина Мария Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79184169255)

Интенциональность речевых высказываний как особый признак дискурса судебного пристава-исполнителя

Статья посвящена изучению понятия интенциональности по отношению к грамматическим категориям, взаимосвязи семантических функций грамматических форм с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности. Интенциональная структура высказывания представляет собой весьма сложное явление. Она тесно связана с реализацией целого ряда функций языка и языковых единиц, среди которых следует назвать регулятивную функцию, конативную (прескриптивную), апеллятивную, аффективную, оценочную, интеракционную (межличностную), дискурсивную, металингвистическую и др.

Ключевые слова: интенциональная структура, иллокутивный акт, коммуникативное намерение, утверждение, речемыслительная деятельность, собеседник, первоначальный замысел.

M.N. Kunina, Master of Philology, assistant professor of Russian and Foreign languages Department of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.; +79184169255.

Intentionality of speech utterances as a special feature of the discourse of a bailiff

The article is devoted to the concept of intentionality in relation to the grammatical categories, the relationship of semantic functions of grammatical forms with the intentions of the speaker with communicative goals of speech activity. Intentional structure of the utterance is a very complex phenomenon. It is closely related to the implementation of a number of features of language and linguistic units, among which are the regulatory function, connotative (prescriptive), appellative, affective, evaluative (interpersonal), discursive, and the others.

Key words: intentional structure, illocutionary act, communicative intent, a statement, a speech activity, the source, the original idea.

Значение интенциональности и интенциональная структура речевых произведений человека обсуждаются активно в лингвистических трудах последних лет. Несмотря на то, что термин «интенция» связывается в основном с теорией речевых актов, это понятие является частью терминологического аппарата описания иллокутивной функции языковых единиц. Известно, что речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его внеязыковой цели, выступает как иллокутивный акт. Характеристика высказывания как средства осуществления иллокутивного акта называется иллокутивной функцией, или иллокутивной силой высказывания [11].

Интенциональный компонент, или речевое намерение, чаще всего возникает и формируется как стратегический замысел еще до реализации высказывания. Это программа речевых действий, которые связаны с информированием собеседника, уговариванием, побуждением, получением информации и т.д. В соответствии с этим говорящий, который обычно выступает как инициатор общения, заранее планирует и организует ход речевого взаимодействия с адресатом. Он целенаправленно выбирает такие языковые средства, которые с максимальной точностью выразили бы

его интенцию [12]. В зависимости от своей стратегии говорящий выбирает прямые или же косвенные способы языковой манифестации интенции. Языковой опыт адресата и его коммуникативная компетенция помогают ему правильно расшифровать заключенный в языковых средствах интенциональный компонент [6].

В ходе самого диалогического общения, однако, могут возникнуть и такие ситуации, в которых нет времени для предварительного обдумывания и прогнозирования речевых действий и они возникают спонтанно, под влиянием условий ситуации или же как реакция на личностные характеристики и поведение контрагента. В связи с этим А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин делят речевые акты на иллокутивно независимые, в которых ведущей является интенция самого говорящего, и иллокутивно зависимые — иллокутивное назначение которых целиком определяется контекстом или предыдущими репликами в диалоге [5]. Таким образом, в речевом общении мы сталкиваемся с «чистой», изначальной интенцией инициатора речевого акта и с вторичной интенцией, возникающей под влиянием ситуации, к которой могут примешиваться различные ситуативные и контекстуальные наслоения. Так, например, к изначаль-

ному намерению сообщить что-то под влиянием обстоятельств ситуации, ее прямых или косвенных участников может возникнуть дополнительная цель у говорящего призвать собеседника к вниманию, продемонстрировать свою осведомленность, вызвать удивление, уязвить своего собеседника, выразить свое положительное отношение к нему и т.д. Это свидетельствует о том, что интенция отличается гибкостью и изменчивостью. Говорящий – по собственному усмотрению или под давлением ситуации – может изменить свое речевое намерение в ходе общения, внести в него серьезные коррективы, изменить его вплоть до диаметрально противоположного или же вообще отказаться от своего первоначального замысла [2].

Интенция высказывания может быть также явной (эксплицитной) или же завуалированной (имплицитной). Эксплицитность/имплицитность речевого намерения и связанная с ними иллокутивная сила высказывания зависят в большой степени от целеустановки и мотивов говорящего, от его искренности и прямолинейности выражения замыслов и речевых стратегий и от планируемого им перлокутивного эффекта. Обычно говорящий старается сделать свое речевое намерение максимально открытым для распознавания адресатом и для этой цели выбирает прямые или конвенциональные языковые средства, например, побудительные, желательные, вопросительные и т.д. высказывания, которые воспринимаются адресатом в их основном значении, или же конвенционализированные высказывания, достаточно однозначно «прочитываемые» в определенном социуме. В речевой практике встречаются и такие ситуации, в которых стратегия говорящего не предполагает прямого эксплицирования его действительных намерений, или же он оставляет за адресатом возможность самому понять и выявить интенцию. В таких случаях тактики завуалирования намерений, демагогии, языковой игры и т.д. являются неотъемлемым элементом речевого акта. Распознать намеренно маскируемую интенцию говорящего не всегда элементарно и требует определенных знаний и настроения адресата. Например, в ситуации разговора начальника с подчиненным, когда начальник уже желает удалить адресата из помещения, но ему не хочется использовать прямой и в некоторой степени неделикатный способ выражения, он может употребить не прямую побудительную конструкцию «Идите», а предложения типа «У меня все», «Я закончил», «Можете приступать к работе» и др. [14]. Стандартность ситуации и коммуникативная компетенция адресата позволяют ему правильно распознать исходную интенцию говорящего. В других случаях говорящий, сообщая о чем-то посещении и зная, что это посещение неприятно или неприемлемо для адресата, в сущности, надеется, что последний воспримет его как побудительный стимул и уйдет с того места, где происходит разговор. Подлинная цель говорящего –

побудить слушающего уйти – обычно не рассматривается как иллокутивная цель его речевого акта, потому что она скрыта, никак не демонстрируется «Звонил Александр Петрович, через пять минут он будет здесь», и для ее достижения вовсе не обязательно (а в ряде случаев и нежелательно), чтобы адресат ее распознал [14].

Сама по себе интенциональная структура высказывания представляет собой весьма сложное явление. Она тесно связана с реализацией целого ряда функций языка и языковых единиц, среди которых следует назвать регулятивную функцию, конативную (прескриптивную), апеллятивную, аффективную, оценочную, интеракциональную (межличностную), дискурсивную, металингвистическую и др. [3]. Используя побудительное высказывание, например, говорящий реализует все названные выше функции языка – он пытается регулировать деятельность адресата, обращаясь к нему и предписывая ему определенный тип поведения, осуществляет это, эксплицируя почти всегда свое отношение к адресату и к речевому действию, оценивая их и включая в определенный дискурс. В ходе речевого общения говорящий и его собеседник находятся в сложных отношениях, при которых решается не только задача информирования или активизации собеседника и выбора адекватных средств выражения, но и эксплицируются разные стороны и аспекты речевой интеракции, касающиеся социальной и психологической природы коммуникации [10].

Директивные, или побудительные, речевые акты – это специфические типы речевых образований, отличающихся от остальных разновидностей высказываний своей специфической интенцией – волеизъявлением говорящего, чтобы совершалось (не совершалось) определенное действие или имело место определенное положение дел. Они характеризуются наличием волевой составляющей в семантике и направленностью на дирижирование поведения адресата. В них говорящий, называя определенное действие или состояние, стремится с большей или меньшей степенью настойчивости заставить адресата стать его исполнителем, т. е. изменить определенным образом существующее положение дел. Действительность в данном случае должна быть приведена в соответствие с высказыванием [1].

Все исследователи императивных конструкций отмечают, кроме того, их обязательную обращенность к адресату, их диалогичность и направленность на программирование поведения контрагента, оказывание давления на его волю, большую или меньшую степень откровенной или завуалированной манипулятивности, которые сопровождаются иногда эмоциональной маркированностью, разговорно-стилистической окраской и наслоением в них целой гаммы добавочных интенциональных смыслов и разнообразных субъективно-модальных оттенков [4]. В интенциональной структуре побудительного речевого акта находит также отражение исходная установка

говорящего на способ и манеру осуществления общения – как речевое однонаправленное воздействие на адресата и как попытка коммуникативного взаимодействия.

Директивные речевые акты реализуются в дискурсе чаще всего как инициальные реплики, мотивированные преимущественно побудительной интенцией говорящего, и это позволяет проследить начальное структурирование их интенциональной структуры, без добавочных ситуативных наслоений. Предметом нашего наблюдения являются именно те ситуации, в которых побуждение является инициальной репликой и интенция в них выражена эксплицитно.

Коммуникативные намерения говорящего имеют ведущую роль в структурировании и подаче побудительного речевого стимула. Это, в первую очередь, его желание заставить адресата что-то сделать, утвердить свой коммуникативный и личностный статус, установить нужный ему контакт с адресатом и др. Его коммуникативное поведение определяется его ролью и весом в ситуации, социальным статусом, возрастом, интеллектом, мотивированностью в данной ситуации, его волей и желанием доминировать или, наоборот, создать себе имидж приятного, воспитанного и обаятельного человека [4].

Межличностные отношения участников общения при побуждении имеют чрезвычайно важное значение. Известно, что, планируя речевое действие, говорящий заранее пытается прогнозировать возможное интенциональное состояние адресата, найти эффективные средства воздействия на него и провести речевое общение в духе кооперативности и консенсуса. Неудачная ориентация в намерениях и настрое контрагента приводят к отсутствию перлокутивного эффекта речевого акта. Наблюдения показывают, что отсутствие результативности при побуждении гораздо чаще мотивировано субъективными, нежели объективными обстоятельствами и факторами [8].

Итак, наблюдения над интенциональной структурой языковых единиц, составляющих функционально-семантическое поле побудительности, показывают, что в них можно выявить общие типы интенциональных значений. Эти интенциональные значения обуславливают использование различных речевых тактик говорящего и находят формальное выражение в варьировании средств побуждения, многочисленных вариациях интонации, в использовании различных значений предикатной лексики, в добавлении разнообразных служебных элементов, в глаголах речи, сопровождающих и комментирующих побудительное высказывание (в письменной речи), в различных контекстуальных формах, предваряющих или поясняющих побудительную конструкцию. Выявление исходной интенциональной структуры директивного акта, таким образом, основывается на анализе как самой побудительной конструкции, так и целого комплекса различных ситуативных показателей, выражающих различные экстра-

лингвистические мотивы, обеспечивающие осуществление речевого акта. Уже сам выбор говорящим какого-либо одного средства выражения из разнообразного репертуара функционально-семантического комплекса побуждения является сигналом начальной интенции говорящего – эти единицы настолько ярко дифференцированы, что сразу показывают исходное намерение инициатора общения: «Встать! Встань! Вставай! Ты немедленно встанешь! Прошу встать! Ты встанешь или нет? Давай встанем! Ты бы встал! Ты бы не мог встать?» и др. [14].

Так, например, в ситуации непосредственного контакта в бытовом и служебном общении (за исключением военного языка) выбор инфинитивного побудительного предложения является маркером достаточно грубого, безапелляционного и не совсем уважительного отношения к собеседнику. В интенцию говорящего не входит тактика установления дружеского или нейтрального отношения к адресату. Аналогичную роль выполняют и неглагольные конструкции типа: «Вон! Марш отсюда!», а также предложения с частицей чтобы: «Чтобы духу твоего здесь не было!» [14]. Наоборот, выбор сослагательной формы типа «Ты бы поговорил с ней»; «Вы бы в это дело не вмешивались», «Я бы вас попросил не вмешиваться» и др. является сигналом деликатного и уважительного обращения к адресату. Такую интенцию выражают и вопросительно-побудительные предложения типа «Вы не подадите мне пальто?», «Вы бы не могли мне помочь?» [14].

Вокруг каждой семантико-прагматической разновидности побудительной интенции: команды, приказа, требования, инструкции, предложения, приглашения, разрешения, совета, просьбы, мольбы, упрощения и т.д. – образуется весьма большой комплекс языковых средств для их выражения. В оформлении того или другого интенционального смысла участвует как специфическая синтаксическая структура высказывания и ее интонационное оформление, так и лексическое значение ее строевых элементов, вид глагола, присутствие частиц, различные контекстуальные маркеры и др. В литературе, посвященной побуждению, достаточно полно описано значение таких добавочных элементов [9, 13].

Подчеркивание интенции говорящего в различных языковых средствах осуществляется не только выбором языковой единицы, но и повтором отдельных элементов высказывания.

Проблема выбора той или иной побудительной конструкции находится в прямой зависимости от личностных характеристик говорящего. Так, при анализе материалов исполнительного производства местный миллионер (должник), решивший поиздеваться над взыскателем, последовательно выбирает в разговоре с ним и с судебными приставами заведомо грубые, неуважительные и бесцеремонные средства побуждения: «Валяйте отсюда! Ну, да брось! Будет тебе кочевряжиться! Выпей лучше! Кому ты говоришь? Директор банка,

проваливай подобру-поздорову! Идите к свиньям собачим!». Он откровенно издевается над судебным приставом, используя демагогический прием ложного побуждения: «Теперь что же со мной, с бедным, будет? Бедная моя головушка! За что же вы губите меня, сиротинушку? Ха-ха!» [14].

Существенную роль в выражении интенции побудительности играют частицы, вводные слова, некоторые темпоральные формы и другие контекстуальные показатели, которые являются маркерами таких дополнительных интенциональных значений, как нетерпение, досада, равнодушие, угроза и т.д.: «Не шуметь! Чечмеки! Кому говорят! Чтобы ти-хо! Не спорь, пожалуйста, со мной! А ну-ка, попробуй! Нет, зачем же...» [14].

В письменной речи интенциональные смыслы раскрываются автором текста чаще всего в авторских словах, вводящих и сопровождающих директивное высказывание. Это обычно глаголы речи, которые выражают как разные модификации побуждения, так и различные личностные и эмоциональные наслоения, вносимые говорящим в структуру побудительного высказывания. Нейтральные глаголы речи типа: сказал, выговорил, крикнул, прошептал, прервал, заметил и др. обычно не содержат информацию о каких-либо добавочных интенциональных наслоениях. К ним, для выражения добавочных смыслов, обычно присоединяются уточняющие слова, эксплицирующие то или иное отношение или состояние говорящего: сказал – со злобой, равнодушно, умоляюще, жестко, угрожающе, раздражаясь, дрожащим голосом, сладким голосом, ласково, просительно, беззлобно, тоном приказа и т.д.

Глаголы, представляющие собой маркеры различных модификаций побудительного значения, часто употребляются в качестве авторских ремарок и вносят дополнительную контекстуальную информацию об исходной интенции и характере побуждения: приказал, велел, предложил, посоветовал, скомандовал, распорядился, попросил, потребовал, предупредил, порекомендовал, настаивал, сказал умоляющим голосом и др.: «Пошлите за приставом по ОУПДС!» [14].

В интенциональной структуре высказывания кроме показателей основной цели речевого действия всегда присутствуют и элементы этики, ценностной системы и морали того общества, к которому принадлежит говорящее лицо. В любом побудительном высказывании можно найти следы наивной этики – коммуниканты ведут себя или корректно, вежливо, воспитанно, или же заведомо стараются показать неучтивое, некорректное, грубое, хамское отношение к своему контрагенту. Это выражается как на лингвистическом, так и на паралингвистическом уровне [11].

Манеру говорения, эксплицирующую физические и психические особенности говорящего и контактные тактики в его поведении, называют

глаголы типа: пропищал, пробасил, заорал не своим голосом, прикрикнул, зашипел, одернул, крикнул громовым голосом, рявкнул, гаркнул, затопал и др. Маркеры этого типа тоже свидетельствуют о первоначальном намерении провести общение в определенном психологическом режиме: «Эй, вы! – рявкнул он. Отойдите! Вам что, жить надоело?» [14].

Эмоциональное состояние говорящего и добавочные интенциональные смыслы положительно-го настроения, радости, злобы, обиды, досады, угрозы и т.д. выражают глаголы типа: разозлился, рассердился, пригрозил, проворчал, рассвирепел, заревел, угрожающе крикнул, огрызнулся, обиделся, произнес сурово, сказал с улыбкой, ласково сказал, обрадовался, раздраженно заметил и др. Они могут выражать как эмоции, возникшие до начала речевого контакта, так и эмоциональные состояния, возникшие в ходе самой интеракции. К ним можно отнести и глагольные сочетания, выражающие различные эмоциональные состояния говорящего: проговорил, стиснув зубы; заговорил со сдержанной яростью; крикнул, задыхаясь от гнева; сказал сухим тоном; засиял от радости и др. [14].

Иногда эмоциональные состояния говорящего сопровождаются в тексте и описанием различных физических действий, усиливающих воздействие на адресата: «Вскочив со стула, бывший муж с силой встряхнул ее за плечи: «Прежде подумай, о чем ты говоришь!...» – Петрова И. вдруг схватила связку ключей и запустила их вслед уходящему... – «Ведьма!» [14].

Иногда в речевой замысел говорящего входит и тактика прерывания речевого контакта с собеседником. В таких случаях он не желает слушать никаких доводов, объяснений или комментариев адресата и резко прерывает контакт. Маркерами такой тактики являются глаголы типа: обрезал, одернул, прервал, перебил, оборвал и др.

Итак, в интенциональной структуре побудительного высказывания неизменно присутствует как сопутствующий элемент отношение говорящего к контрагенту. Это отношение может быть нейтральным, подчеркнуто уважительным, подобо-страстным, заискивающим, ласковым, дружеским, влюбленным, равнодушным, грубым, вульгарным и т.д. Реализация интенции говорящего неизменно предполагает определенную модель его отношения к своему собеседнику. Оно зависит как от исходной установки говорящего, так и от степени его знакомства или близости с адресатом, от отношений между коммуникантами, которые могут быть как нейтральными, так и сугубо субъективно мотивированными различными факторами: предварительным знакомством или же конкретными обстоятельствами данной ситуации общения. Отношение к адресату раскрывается в дискурсе несколькими различными способами и с помощью различных языковых средств.

1. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1997. № 2.
2. Бондарко А.В. Стратификация семантики // Семантика языковых единиц: в 3 т., М., 1998 Т. 1.
3. Демьянков В.З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи // Текст: структура и анализ. М., 1989.
4. Еремеев Я.Н. Директивные высказывания с точки зрения диалогического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2: Язык и социальная среда. Воронеж, 2000.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2003.
6. Кобозева И.М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Материалы конференции Диалог 2003. URL: www.dialog-21/Archive/
7. Крылова Т.В. Принцип «цивилизованного поведения» в наивном этикете (на материале слов развязность, фамильярность, панибратство, бесцеремонность, нахальство, церемонность, чопорность) // Материалы конференции Диалог 2001. URL: www.dialog-21/directions.materials.asp
8. Николова А. К вопросу о речевых тактиках коммуникантов в побудительной ситуации // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен, 2002.
9. Николова А. Эквивалентност на средствата, изразяващи подбуда в руския и българския език // Езикови проблеми на превода. Руски език. София, 1987.
10. Речевой акт // «Кругосвет»: энциклопедия. URL: <http://www.krugosvet.ru>
11. Серль Дж. Логический статус художественного дискурса – пер. с англ. А.Д. Шмелева по изданию: John R. Searle. The logical Status of fictional Discourse // New Literary Histori, 6 (1974). URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_04.htm
12. Формановская Н.И. Соотношение интенционального и пропозиционального компонентов в высказывании // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3.
13. Храковский В.С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
14. Материалы исполнительного производства по ФССП по РА.
1. Baranov A.N., Kreydlin G.E. Illocutive forcing the structure of the dialogue // Problems of Linguistic. 1997. № 2.
2. Bondarko A.V. Stratification of semantics // The semantics of linguistic units: M., 1998.
3. Demyankov V.Z. The intention in the interpretation and the interpretation of intentions in speech // Text: Structure and analysis. M., 1989.
4. Yeremeev Y.N. Policy - statement from the point of view of the dialogic approach // Theoretical and Applied Linguistics. Iss. 2: Language and social environment. Voronezh, 2000.
5. Issers O.S. Communication strategies and tactics of Russian speech. M., 2003.
6. Kobozeva I.M. By recognizing intentional component of meaning of the utterance / theoretical background // Proceedings of the conference Dialogue 2003 URL: www.dialog-21/Archive/
7. Krylova T.V. The principle of «civilized behavior» in the naive etiquette (based on the word swagger, familiarity, familiarity, impudence, insolence, ceremonies, stiffness) // Proceedings of the conference Dialogue 2001. URL: www.dialog-21/directions.materials.asp
8. Nikolova A. On the verbal tactics communicants in motivating situation // Problems of cognitive and functional description of Russian and Bulgarian. Shumen, 2002.
9. Nikolova A. Ekvivalentnost on sredstvata , izrazyavaschi podbuda in Rusca and blgarskiya ezik // Ezikovi problems on the prevod. Ruski ezik. Sofia, 1987.
10. Speech act // «Krugosvet»: Encyclopedia. URL: <http://www.krugosvet.ru>
11. Searle J. The logical status of literary discourse. Translation from English to publish A.D. Shmeleva: John R. Searle. The logical Status of fictional Discourse // New Literary Histori, 6 (1974). URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_04.htm
12. Formanovskaya N.I. The ratio of the intentional and propositional components in the statement // Russian language abroad. 1996. № 1–3.
13. Hrakovsky V.S. The Imperative // Theory of Functional Grammar. Temporality. Modalit. L., 1990.
14. Proceedings of the enforcement proceedings by the FSSP on RA.

Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что отправка автором материала (статьи) в адрес редакции журнала «Вестник Краснодарского университета МВД России» с предложением опубликовать статью в данном периодическом издании расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала «Вестник Краснодарского университета МВД России», который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Редакционной политикой редакции журнала «Вестник Краснодарского университета МВД России», соответствующей законодательству Российской Федерации об авторских и смежных правах, предусмотрено право автора запретить редакции использовать материалы, предоставленные для публикации в данном издании, для воспроизведения их в других журналах и газетах редакции, а также в иных изданиях и справочных правовых системах.

Запрет автора на публикацию статьи в иных изданиях и справочных правовых системах должен быть выражен таким образом, из которого явственно следует несогласие автора на использование материалов в иных изданиях. Во всех иных случаях направление автором статьи на опубликование расценивается как согласие автора с редакционной политикой журнала «Вестник Краснодарского университета МВД России» и вышеперечисленными условиями.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в алфавитном порядке (по алфавиту фамилий и инициалов первых авторов или первых слов основного заглавия).

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

- 1) фамилия, инициалы автора;
- 2) название источника;
- 3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тезисы докладов и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;
- 4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой;
- 5) год издания;
- 6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);
- 7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

КНИГИ

Иванов И.И. Синтаксис. М., 1990.

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ, СБОРНИКЕ, ГАЗЕТЕ

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. 1996. Т. 5. № 9.

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МВД РОССИИ**
осуществляет подготовку научных и научно-педагогических кадров
по следующим направлениям:

1. Обучение в очной докторантуре и прикрепление соискателей для подготовки диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 09.00.11 Социальная философия
- 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- 12.00.09 Уголовный процесс
- 22.00.04 Социальные структуры, социальные институты и процессы

2. Обучение в очной и заочной адъюнктуре, прикрепление соискателей для сдачи кандидатских экзаменов и подготовки диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по следующим научным специальностям:

- 08.00.01 Экономическая теория
- 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством
- 09.00.11 Социальная философия
- 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве
- 12.00.02 Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право
- 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- 12.00.09 Уголовный процесс
- 12.00.11 Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность
- 12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность
- 12.00.14 Административное право; административный процесс
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 19.00.13 Психология развития, акмеология
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления
- 23.00.02 Политические институты, политические процессы и технологии

Срок обучения в докторантуре:

очно – 3 года;

для подготовки докторской диссертации в форме соискательства – 4 года.

Срок обучения в адъюнктуре:

очно – 3 года;

заочно – 4 года.

Соискательство для сдачи кандидатских экзаменов – 2 года.

Соискательство для подготовки кандидатской диссертации – 3 года.

Справки и подробную информацию
об условиях обучения можно получить по адресу:
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: (861) 2584265, факс: 2584110
web-сайт: krdu-mvd.ru
e-mail: adjunctura@mail.ru

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ
ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПО СЛЕДУЮЩИМ НАПРАВЛЕНИЯМ:**

ОЧНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030901.65 Правовое обеспечение национальной безопасности
031001.65 Правоохранительная деятельность
080101.65 Экономическая безопасность
030301.65 Психология служебной деятельности
090915.65. Безопасность информационных технологий в правоохранительной
сфере

ФАКУЛЬТЕТ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030901.65 Правовое обеспечение национальной безопасности
031001.65 Правоохранительная деятельность
030501.65 Юриспруденция
050407.65 Педагогика и психология девиантного поведения

ФАКУЛЬТЕТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030501.65 Юриспруденция
030301.65 Психология
031001.65 Правоохранительная деятельность

Информацию
об условиях поступления можно получить по адресу:
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: (861) 2582464

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ»**

Редактор Н.К. Алексаньян

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия ПИ № ФС77-53945
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 20.06.2013
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 7,67
Тираж 500 экз. Заказ 808
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: (861) 2583249